

ЕЛЕНА
КНЯЖИНА

ЧУДОВИШНЫЙ
АСЕКРЕТ
АВРОРЫ
или
ДОЧЬ РЕКТОРА ВСЕ ОБЪЯСНИТ

Дикая магия

Елена Княжина

**Чудовищный секрет Авроры 3,
или Дочь ректора все объяснит**

«Автор»

2022

Княжина Е.

Чудовищный секрет Авроры 3, или Дочь ректора все объяснит /
Е. Княжина — «Автор», 2022 — (Дикая магия)

Этот новый магистр просто невыносим! Считает меня избалованным созданием, беспечным и остро нуждающимся в его личном присмотре. Но мне опека нудного тролля совсем ни к чему. Меня ждут тайны и интриги Санкт-Петербургской академии магии. Еще шмырлов пора размножать, тигрице отвисшие уши в форму возвращать... Словом, некогда мне с новеньким нянчиться! Выживет магистр среди наших питомцев и учеников – хорошо. А нет – так под Монстроглазом прикопаем. А то, что лондонский тролль постоянно под ногами путается и отлипнуть не желает... Так не иначе, как магия какая-то. Дикая, первобытная... и явно просроченная.

Содержание

Глава 1. О птичке в клетке	5
Глава 2. О притяжении троллей и кулаков	10
Глава 3. Об идентификации тролля	21
Глава 4. О трибунале и магической опеке	27
Глава 5. О логове тролля и важных мелочах	36
Глава 6. О колыбельной лондонских дождей	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Елена Княжина

Чудовищный секрет Авроры 3, или Дочь ректора все объяснит

Глава 1. О птичке в клетке

Дорогие читатели, эта книга – продолжение истории. Начинать знакомство с героями нужно с первой части – «Чудовищный» секрет Авроры, или Магистра не дразнить!». А еще лучше – с предыстории, посвященной их родителям: «Дикая магия. Проклятье «Черного тюльпана».

– Так, еще немного... Превосходно! Ну, не красавица ли?

Я подмигнула темноте перед собой. Вот теперь я была абсолютно довольна своим отражением. Которого не было.

Мысленно помахав ручкой лицу, без следа растворившемуся в бабушкином зеркале, я захлопнула серебряную крышку и отложила в сторону коробочку с «исчезательной» пудрой.

Пару дней назад я ее протестировала на шее – в надежде, что древняя косметика надежно замаскирует следы, оставленные ошейником Блэра. Но эффект оказался более радикальным: голова вовсе отделилась от тела. Визуально. Что немудрено в отсутствие шеи.

Впервые «потеряв голову» не в мыслях, а наяву, я придумала новый план побега. Пятнадцатый по счету.

Сегодня я тщательно намазала пудрой щеки, лоб, нос и даже уши. Немного белого порошка нанесла на веки, ладони и собранные в пучок волосы. А тело упаковала в доисторическое платье княгини Дарьи, щедро усыпанное отводящими глаза чарами.

Вот и славно! Осталось пробраться в кабинет бабушки Энджи, в котором она хранила мой жезл «от греха подальше» (от родной внучки, если быть точной). Только это и помогало ей удерживать меня в родовом имении Карповских.

Вход в кабинет охраняли два симпатичных китайских дракончика с размахом крыльев не меньше полутора метров. Не живых (они давно вымерли). Бронзовых. Что не мешало им нахально щелкать мощными челюстями перед моим лицом, стоило шаг ступить к заветной двери.

А мне очень нужно было попасть внутрь. И желательно – остаться при всех необходимых частях тела, включая пальцы и любопытный нос.

Заперли! Как тигрицу в клетке! Без суда и следствия, и даже без допроса с пристрастием.

Хуже того – отрезали от мира и новостей. А это было совершенно невыносимой пыткой в связи с недавними событиями. Касающимися бесштанного Блэра, усыпленного Тролля... и еще папеньки, страстно желавшего убить обоих, но так и не получившего моральной компенсации.

Возмущенно сопя, я сунула серебряную шкатулку в кармашек платья, пропахшего стариной, пылью и чьим-то доисторическим потом. И двинулась на второй этаж. В столь ранний час бабушка обычно практикуется в магии в просторной круглой зале, а значит, путь свободен.

Ничего более обидного со мной еще не приключалось! Даже похищение Блэром-Рандором не шло ни в какое сравнение с несправедливой изоляцией. Меня не расспрашивали, не звали в свидетели. Родители со всеми проблемами разбирались сами. Без меня!

А я, между прочим, главное действующее лицо в этой истории. И вообще по всем фронтам пострадавшая.

Мало того, что меня выселили на две недели из Академии. Так еще и вручили «подарочком» единственному человеку, что мог удержать бедовую княжну в четырех стенах. Нет, бабушке Энджи я всегда была рада, но...

Вот конкретно сейчас я поняла, почему дед называл ее не иначе как «Дьяволицей в юбке». На все мои мольбы у нее находились вежливые и до зубовного скрежета разумные аргументы, на любое действие – спокойное, но строгое противодействие...

Она могла камнехвоста заставить в бараний рог свернуться. Причем добровольно. Так, что бабушка даже маникюр бы не испортила. Благодаря ее упрямству у нее даже розы во дворе цвели. И это посреди зимы, по самые бутоны в снегу!

Но княгиня не учла одного важного фактора: ее гены передались и мне. За две недели мои попытки сбежать, а ее – меня остановить, превратились в забавное противостояние. Бабушка была упрямой, но и я – та еще заноза в... ну, допустим, в пояснице.

Моя неугомонная натура требовала действий. Она не могла сидеть сложа лапки, слушать бабушкины лекции по великосветскому этикету, разбирать подвалы и разглядывать неправдоподобные розы за окном, пока в Академии творится тролль знает что.

Да может, папенька именно в этот момент отрывает голову Салливану! Потом возвращает ее на плечи. И отрывает снова. Так и развлекается.

Предыдущие четырнадцать попыток побега закончились ничем. А точнее, исправительными работами в подземельях замка. Там-то я и нашла пудру и чудесное (во всех отношениях, кроме запаха) платье, зачарованное на отвод глаз...

И теперь, исполненная воодушевления и решимости, приближалась к упертым бронзовым крокодилам, возомнившим себя самыми хитрыми.

Возмущение, распиравшее грудь и грозившее вылиться из горла шипящей лавой, делало мой шаг дерганым, пружинящим. Я так и подпрыгивала на каждой ступени, ведущей к бабушкиному кабинету. Со стороны это могло напоминать икоту. Благо, меня никто не видел.

Нет, ну виданое ли это дело – сажать ценного свидетеля под замок?!

Отец, выпроваживая меня в родовое имение, объяснил свое решение тем, что «его единственной дочери надо восстановиться в тишине и покое». А ему – самому во всем разобраться. И это тревожило.

Потому как кое-какие пикантные моменты для ректорского «разбора» явно были лишними. Последнее, что я услышала из-за захлопнувшейся перед носом двери кабинета, было недоброе:

«А теперь, магистр Салливан, я бы хотел узнать о вас то, чего вы сами, возможно, не знаете».

За две недели я совсем издергалась. О чем шла речь? О допросе с пристрастием? О приглашении дознавателей из Эстер-Хаза? О «Темном соединении», которым господин ректор не брезговал, когда речь заходила о жизнях его детей и супруги?

Или все-таки о магической идентификации, что может пройти в регистрационной зале любой чародей, достигший совершеннолетия? Исключительно по собственному желанию или решению магтрибунала.

Мне никто ничего объяснить не удосужился. Более того, папенька меня не расспрашивал. То ли знал, что буду врать до последнего, то ли брал «жертву» измором.

В панике я додумалась уже до того, что отец нашел и умудрился прочесть мой самописно-мысленный дневник. И с облечением выдохнула, когда обнаружила книжицу в чемодане, собранном для меня Джил.

Какая все-таки умница эта юная леди Кавендиш! Во всем, что не касается личной жизни.

Бабушки Энджи дни напролет развлекала меня уроками в стиле «Эншантели» (в те минуты, когда не ловила меня за очередной попыткой побега, снимая с крыши и вытаскивая

из каминной трубы). Обучала давно забытым манерам, которые мне непременно понадобятся, когда я «официально стану чьей-нибудь леди».

В том, что я рассчитываю стать леди не лорда и не князя, а одного нудного тролля, я признаваться не стала. Потому как по единственному серому взгляду, что бросил на меня Рандор, я не поняла ничего. Даже помнит ли он меня.

Если нудный магистр умудрился забыть, то сначала мне придется долго и упорно возвращать ему воспоминания. Разговорами, магией, практическими занятиями... там уж как получится. И только потом мы вернемся к разговору о леди. После всего, что между нами произошло, Салливан просто обязан официально представить меня своим занудным тараканам!

В свободные вечерние часы – и в моменты трудовых наказаний за побеги – я рылась в хранилищах замка Карповских. Нынче блестящие безделушки, напитанные магией предков, казались даже интереснее, чем в детстве.

Самонаполняемые кубки, самонаводящаяся сетка для ловли насекомоядных либри, заколка с эффектом легкомысленных завитков... А еще – утяжелитель голоса, дарующий носителю «чарующий баритон» (я не сама придумала: так гласила инструкция). И суточный разглаживатель морщин, и «ослепляющие великолепием серьги» (действительно ослепляли, я полчаса моргала в темноте!)... Словом, какой ерунды тут только ни хранилось.

Единственный минус – увитые чарами стены подземелий снижали силу заклятий, а выносить артефакты бабушка Эндж запрещала. «*Все игры – только в подвале, Аврора*». Это правило действовало и тогда, когда мне было пять, и сейчас, в неполные девятнадцать.

По ночам я мысленно надиктовывала в дневник все, что смогла вспомнить. То, что поведала Тамара, и то, что рассказал Блэр. Потом дам почитать Джиллиан, может, ее извилина что-то разумное подскажет. В отличие от моей, бесполезной, влюбленной и впадающей в идиотскую панику от неизвестности.

Осознание свершившегося накатывало волнами. Блэр не умер, он где-то рядом, гад недоуспокоенный. Дух его укрепился, чуть не изгнав Рандора из собственной плоти.

Я своими глазами видела, как серые нити, безжизненно свисавшие с моих пальцев, обростали золотистыми волосками. Его капля впитала сферу и теперь восстанавливалась. Как скоро он войдет в полную силу? И куда решит заселиться на этот раз?

Он мог оказаться в ком угодно. И в крепком первокровке вроде Энди Макферсона. И в слабой пожилой женщине вроде Мари. Она ведь говорила, что имеет родственные связи и с Хэтэвееми, и с Карповскими...

Да мало ли кто их не имел? Мой отец, мой брат... и я сама. Очень не хотелось бы одним прекрасным зимним утром обнаружить в себе бесштанного паразита!

Успокаивало лишь одно: пару раз навещавший меня Арчи рассказал, что мои шмырлы взяты под личную опеку господина Хайва. Хлое-Жюли и не снилась такая крепкая, надежная, с забавными кудряшками и ямочками на небритых щеках защита.

Кровь моих глазастых малышей Блэр больше не получит! А значит, не сможет скрыть магический след и ступить на землю Воронцовых. Хоть какая-то радость на фоне бесконечного самокопания.

Это ведь я отпустила бесштанного на свободу. В теле Рандора он не смог бы уйти из палаты, щедро увитой чарами, запрещающими перемещение. Тела, но не духа.

Оставь я Августуса во плоти магистра, и отец обязательно бы что-то придумал. Создал бы для гада новую клетку, заключил его в самую неприступную тюрьму. И мир... был бы в безопасности, да.

Но он не был. И Ава-катастрофа всему виной. Впрочем, ей не привыкать.

Я передернула плечами, напоминая, что Блэр не оставил мне выбора. Потерять Рандора я была не готова. Значит, найдем другой способ поймать и обезвредить бесштанное (и, возможно, до сих пор бесплотное) чудовище.

Драконы у двери зашевелились, заслышав мой аккуратный шаг. Покрутили головами на гибких шеях, клацнули бронзовыми зубками, хлопнули крыльями... Две пары рубиновых глаз полыхнули алым, сканируя пространство. Я замерла и даже дышать перестала.

Издав гортанное карканье, правый сложил крылья и забрался обратно на мраморную стойку. Левый последовал за ним. Фу-у-ух!

Так-то лучше, мои хорошие. Есть все-таки слабости у стражей, созданных из камня и металла. У этих, к примеру, был довольно слабый слух и напрочь отсутствовало обоняние. А острое зрение мне удалось обмануть.

Я осторожно прошмыгнула между двух бронзовых тушек, озадаченно вертевших головами. Стремительно открыла дверь и под злобное карканье просочилась внутрь кабинета.

Так, теперь у меня есть несколько минут, чтобы найти свой жезл, выбраться на зачарованный порог и переместиться в Академию. Пока гвалт крикливых созданий не донесся до первого этажа и не залетел в уши бабушки Эндж.

Я принялась торопливо рыться в ящиках стильного стола, покрытого алой краской. Перебивать вазочки с места на место, заглядывать внутрь шкапулок, шуршать книжными корешками. Скорее!

Жезл нашелся в хрустальной чаше, которую полагалось использовать в зельеварительных целях. Но бабушка хранила в ней мятные конфеты в пестрых зеленых фантиках, запасную ручку, флакон с каплей духов на донышке и мою палочку.

Тишина, вдруг стусившаяся с той стороны двери, навела на самые дурные предчувствия. Или вернулась хозяйка (и мне светит очередная зачистка подzemелья), или...

Металл лязгнул так противно, что я заткнула уши. Брр!

Или вот это. Бронзовые стражи принялись долбить мордами в дверную ручку, намереваясь пробраться внутрь и проучить меня до полусмерти. Бабушка предупреждала, что у них дурной характер, не подлежащий перевоспитанию.

Я подбежала к подоконнику и распахнула окно. Ну, не так уж и высоко. Всего-то второй этаж.

А внизу – пышные розовые кусты (цветущие, Судьба свидетель!) и снежные сугробы. Я возвела глаза к небу, прося у создателя чуть больше разума. Хорошо, что мама меня не видит. Уж княгиня Карповская точно не стала бы в платье с балкона прыгать.

В щеку что-то прилетело – холодное, ткнувшееся в кожу сотней крошечных иголок, как свежеслепленный снежок. Но это оказалась теле-маго-грамма. Настолько непривычная, что я даже свой план по приземлению в сугроб забыла. И гадкое лязгание слышать перестала.

Бумага была официальной. Завизированная печатью Верховного Совета и перевязанная красной лентой с серебряной звездочкой по центру – символом магтрибунала. Троль меня укуси...

Я быстро сорвала печать и ленту и открыла послание. Нервно пробежалась по строчкам. Боги, боги... Что это значит? К-какой еще трибунал?

«Аврора Андреевна Карпова, княжна Карповская, первая этого имени, приглашается в качестве свидетеля от обвинения на закрытое слушание магического трибунала. В силу непреодолимых обстоятельств оно пройдет в здании Верховного Совета в Эстер-Хазе в дату, обозначенную ниже, и...»

От обвинения? Кого, в чем? Они же не думают, что я стану свидетельствовать против Салливана? Да и с каких пор несовершеннолетних приглашают на слушание?

Я зажмурилась. Выдохнула обреченно. Есть только один случай, когда это происходит. «Неправомерные действия преподавателей в отношении магически несовершеннолетних учеников». Так было раньше, отец не раз менял Устав, но...

Пожалуй, Рандор в моем отношении совершил столько неправомерных (но местами очень приятных) действий, что в одно заседание мы не уложимся.

«На основании свидетельств будет вынесено решение и...»

К троллям все! Не будет никакого слушания. И решения не будет! Я не дам им провести это издевательское заседание: Салливан жертва, а не преступник.

Я вгляделась в снег под окном. Где-то там должен быть порог. В теории.

Схватила жезл и, примерившись, вывалилась из окна. К грациозному падению не стремилась: все равно меня никто не видит. Чуть притормозила в воздухе, закрутив жезлом замедляющую воронку, и, не рассчитав угол поворота, шлепнулась лицом в сугроб.

Изящество уровня Авы-катастрофы. Фирменное, запатентованное.

Я выбралась из сугроба и резко дернула ткань платья на себя: куст розы зацепился за юбку. Та скрипнула и с предательским треском разошлась. Ну да и к черту. Папенька меня всякой любит. Раз до сих пор не придушил.

Отряхнулась, оправила остатки доисторического одеяния. Потерла влажную от снега щеку, размазывая остатки мерцающей «исчезательной» пудры.

Лохматая, мокрая, местами невидимая, пахнувшая кем-то, вспотевшим пару веков назад, я решительно шагнула на порог имения. Тряхнула волосами, рассыпав брызги по плечам, и велела чарам перенести себя в Академию.

Глава 2. О притяжении троллей и кулаков

Два лестничных пролета я преодолела на одном вдохе, и только сейчас позволила себе сделать второй. Впитать в себя знакомый запах Академии, по которой, видит Судьба, невыносимо скучала все эти дни. Никогда еще я не проводила зимние каникулы так скучно, тревожно и бесперспективно.

Мы не носились с Софи по заснеженному саду бабушки Джулс, не сидели у камина с Джил, уплетая зефир и раскладывая карты... Впрочем, хватит с меня гаданий. Не собираюсь я больше слушать подсказки Судьбы.

Постояла с минуту под дверью отцовского кабинета, за которой раздавались приглушенные голоса двух мужчин. Но, не опознав ни в одном из них Рандора, прошла мимо и двинулась к аскетичному логову тролля.

Оправив на себе остатки платья княгини Дарьи, я без стука ввалилась внутрь. Но сюрпризу никто не обрадовался: тут было пусто. Еще более пусто, чем при магистре. Ни рубашек в шкафу, ни книжки на тумбе, ни пакета с травками в ящике...

Мне нужны были ответы. И срочно. Поэтому следующей дверью, что со свистом отлетела от моего кулака, была ректорская.

– Папа!

– Хмм... – черные глаза просканировали пространство справа и слева от меня.

Отец взмахнул жезлом, и в меня хлынул поток какой-то серебристой мути. Такой сильный, что чуть с ног не снес, окатив от пяток до вздернутого носа.

– Вот, так лучше. Теперь мы тебя видим.

– Я могла умыться, – проворчала, отплевываясь от очищающего заклятья и выжимая волосы.

– Отводящие чары? И невидимая пудра? Любопытно... Я до такого не додумался, когда мать посадила меня под домашний арест, – ухмыльнулся папенька. – Впрочем, прабабкино платье мне вряд ли пошло бы...

– А венец ничего смотрелся, – напомнила «господину ректору с пугающей репутацией» и, игнорируя присутствующих, прошла напрямик к ректорскому столу. – Это вот что?

Я кинула перед папой полученную теле-маго-грамму и покрутила головой в ожидании ответа. Из кресла для посетителей мне ободряюще улыбнулся Кесслер. Он поставил стакан цветочного сбора на стол и что-то пояснил на ухо Эвер Валенвайд, сидевшей рядом.

Я неловко отвела глаза от рыжеволосой вампирши. Наше знакомство началось неправильно. Придется когда-нибудь обсудить произошедшее в Индии: одной Судьбе известно, как Эвер объяснила себе увиденное. Да и у меня от нападения леди-полукровки остался неприятный осадок.

Но не сегодня, видит тролль, не сегодня.

– Здесь написано, что тебя приглашают выступить свидетелем со стороны обвинения, – спокойно «пояснил» папенька, и я зарычала.

Нервы ни к черту в последние дни. От Авы-оптимистки, радужно глядящей в завтрашний день, осталась ее бледная копия. Измазанная доисторической пудрой и пахнущая тролль знает кем.

– Я не разучилась читать, – напомнила ему. – Но это какая-то ошибка: магистр Салливан ни в чем не виноват. И если бы ты раньше меня допросил...

– В этом не было необходимости, обезьянка.

– Была! – запыхтела самоваром. – Магистр никому не хотел причинить вреда. Это все голос. Блэр убедил его в...

– Достаточно, – отец предостерегающе махнул рукой и недобро покосился на стену. Словно из нее в этот самый момент выпали чьи-то любопытные уши, для меня невидимые.

– Право слово, Ава, какой Блэр? И причем тут магистр? – хитро улыбнулся мой крестный.

– Темный принц давно оставил этот мир, мы с твоей матерью тому свидетели, – согласился с ним ректор. – Хотя в «Трибьюн» тогда и писали, что Блэр не возродился вовсе...

– Спятели. Вы все тут спятели, – вынесла вердикт.

Или они, или я – одно из двух. И хоть после всего случившегося под Рождество трудно было остаться в душевном здравии, я все же надеялась, что мне удалось.

– Успокойся, Аврора. Мы позже с тобой все обсудим.

– Вы собираетесь наказать невинного, какое еще «позже»? – возмутилась я, хлопая ладошкой по столу.

– Разве собираемся? – «удивился» папенька.

– Если нет, то к чему этот шурхов магтрибунал?

– А ты бы дочитывала до конца официальные теле-маго-граммы, обезьянка. Может, нашла бы ответы на свои вопросы.

Я порывисто схватила картонку, развернула и пробежалась глазами по знакомым строчкам. Это я видела, и это... Так, стоп. «Слушание, посвященное магической опеке»?

– Какой еще опеке?!

– Магической, – пожал одним плечом отец. Хладнокровный, как айсберг, болтающийся в седом океане. – Магтрибунал создан не для магистра Салливана. Он для меня.

Я открыла рот. И медленно закрыла. Они будут судить папу? Моего?

Совсем они там чувства самосохранения лишились. Это для меня он «папа», а для них – Мрачный Демон, самый сильный маг столетия. А теплиц у нас много, на всех места хватит...

– А вот тебе, Ава, совершенно необязательно там присутствовать, – отец забрал открытку, дававшую мне допуск на слушание, и зашвырнул на дальнюю полку серванта. – Ну как, стало легче?

– Да что-то нисколечко!

– Тебе не угодишь, – нахмурился отец.

Слишком спокойный для подсудимого. Видимо, тоже свободные места подсчитывал.

– Что за слушание и причем тут ты? Это Вяземский, да?

– Тебе не стоит забивать этим голову, обезьянка, – строго бросил отец и снова покосился на «ушастую» стену.

– Но если трибунал не для Салливана, тогда почему ты его уволил? Где его вещи и... сам магистр?

Я понимала, что столь недвусмысленными вопросами сдаю себя с потрохами. Но мне все еще нужны были ответы. Информационный голод измучил меня за две недели тишины и бездействия.

– Насколько я знаю, он в палате у Мари, – отец покрутил в пальцах жезл и неохотно убрал в карман. – И вещи свои он сам попросил уничтожить за исключением пары мелочей.

– Почему в палате?

– Последние дни его прилично... гхм... поистрепали. Понадобились восстановительные процедуры.

– Ты его допрашивал? – догадалась без труда.

– Мы... беседовали.

«Беседовали». Так я не там искала! Надо было сразу в теплицу к Монстроглазу бежать. И откапывать, если не поздно.

– Так славно поболтали, что ты довел его до больничного? – обиженно уточнила, смахивая с щеки непрошенную слезу.

– До больничного он довел себя сам. Помогал твоей матери перенести новую сферу в Ланге и перестарался, – отец был скуп на эмоции. По равнодушному кирпичу, в который превратилось его лицо, трудно было понять, о чем он думает на самом деле.

– Я могу его увидеть?

– А тебе хочется? – папа потер хмурю бровь и поджал губы.

– Мне надо убедиться, что магистр в порядке. И что я не зря...

– Бросилась под сгусток Темной материи? – уточнил холодно папенька, и кровь застыла в жилах. Даже сердце замерло кубиком льда, перестав издавать фирменное «тук-тук».

– Ты бы сам был не рад, если бы убил невиновного, – пробормотала неуверенно.

Не уверена я была и в том, что папенька был бы не рад. И в том, что магистр был так уж невиновен. Во всяком случае, в глазах отца.

– Больничное открыто, Аврора. Если тебе хочется кого-то в нем навестить, никто не станет тебе препятствовать, – сухо кивнул тот, и я растерянно качнулась на носках.

То есть мне можно увидеть Салливана? И никто при этом не будет убит? Где-то тут должен быть подвох.

Рука дрогнула, когда я открывала дверь в больничное отделение. Темный силуэт очертился в белом свете окна, и я чуть не сделала шаг назад. А я ведь не трусиха! Тогда какого тролля меня так трясет, что зуб на зуб не попадает?

Он резко повернулся на шорох юбки, и серые глаза впитали меня без остатка. Ту самую, какой была – в мятом платье папиной прабабки, с пудрой, размазанной по щекам и лишенной своих «исчезательных» свойств после очищающего заклатья. С мокрыми волосами после столкновения с сугробом (он первый напал!). Словом, во всей привычной красе. Хоть сейчас на обложку.

Магистр даже проморгался, не веря свалившемуся на него счастью. А я слишком близко подходить не стала, чтобы не убить его доисторическими ароматами. Судя по нахождению в больничном, он и без меня настрадался.

– А где ваш?... – я покосилась на хвостик. Которого не было.

Салливан подстригся! Не так чтобы толково: настырная прядь все равно падала на лоб. Но хвостик исчез. И без всякой пудры-невидимки.

– Захочу отрастить – отращу, – пожал плечами мужчина. – Но это будет мое решение. Мой выбор.

– Это футболка и джинсы моего брата? – я обвела взглядом непривычный образ.

А где пиджак? А рубашка с вечно задраннным воротничком?

– У нас похожая комплекция, и младший князь Карповский был любезен...

– Я привыкла к рубашке, – перебила его недовольно. – И к дурацкому хвостику.

– Сами предлагали мне подстричься, княжна, – фыркнул магистр и отошел от окна, забираясь в спасительную тень.

– Вы помните.

– А должен был забыть?

– Могли притвориться, что у вас амнезия, – подсказала троллю-тугодуму.

– Полагаете, стоило? – Салливан почесал щетину, захватившую треть его лица. Уставшего и не сильно мне радовавшегося.

– Вы выглядите озадаченным, магистр.

Я отвернулась к раковине и принялась старательно смывать с себя остатки папиного заклатья. Смотреть на Рандора было тяжело. Очень. Без всякого гадания я чувствовала, что разговор не будет простым.

– Не ожидал встретить вас так скоро, – признался он.

– Надеялись сбежать до моего возвращения в Академию?

– Мне нужно время, – выдал из тени Салливан. – Много времени. Но судя по тому, как решительно вы настроены, для меня это непозволительная роскошь. Вы снова торопите события, княжна.

– Я ничего не тороплю. Я умываюсь, – сердито заверила свое бледное отражение.

Секундой позже в зеркале появилось еще одно лицо, магистерское. Хмурое, серое. И не спешившее бросаться на меня с поцелуями.

Я махнула жезлом, просушивая заклатьем мокрую копну. Голубая вспышка отразилась от магистерских глаз, и я ахнула. Вжалась в тумбу испуганно. Зажмурилась, открыла снова.

Серые. Какие и были. Троль свидетель, я просто перепуганная дуреха.

– Простите, – я поймала его убитый взгляд и прокляла себя так крепко, как только умела. – Простите! Это рефлекс, я...

– Испугались. Меня, – понимающе кивнул Салливан моему отражению.

– Не вас!

– Не извиняйтесь, Карпова, у вас есть причины меня бояться.

Я развернулась, зашуршав порванной юбкой, и Салливан поморщился.

– Это платье... Надо его снять.

Вот так сразу? Мы не виделись две недели. И в последний раз он стаскивал с меня платье сам при весьма плачевных обстоятельствах.

– И сжечь, – потирая нос, бестактно добавил лондонский троль. – Немедленно.

Сердито сопя, я отодвинула магистерское тело от себя подальше (а нечего так близко подходить, если запах не нравится!) и резко прошагала в душевую. Там в шкафчике всегда хранилась пара запасных комплектов формы целительниц.

Тщательно отмывшись и переодевшись в чистое, я вернулась в палату, рискуя не обнаружить там Салливана. Он ведь намеревался сбежать... Может, это и был секретный маневр?

Но магистр был на месте. Прилежно сидел на койке и натягивал на себя другую водолазку. Черную. С логотипом одной невыносимой маг-рок-группы, что очень нравилась Арту. Мы ходили как-то летом на концерт в Эстер-Хазе, так у меня чуть барабанные перепонки не полопались.

Черная ткань пропустила сначала голову, потом крепкие жилистые руки и наконец опустилась на живот, закрыв от меня дорожку темных волосков. Я поморгала, обижаясь на ускользнувший от меня вид, и недовольно поджала губы.

– Пытаюсь понять, что мне нравится носить, – пояснил Рандор. Он выглядел потеряннным. Найденным, но потерянным. Такой вот парадокс. – Мне вообще нужно очень многое узнать о себе. Кто я, чего хочу сейчас. Вспомнить, чего я хотел раньше. И чего хотел... не я.

– Кого, – поправила мужчину, отбрасывая стыдливость.

Слишком много я Сияющей материи оставила в той постели в имени Караваяевых, чтобы делать вид, что ничего не было. У меня вот с памятью очень хорошо. А за две скучные недели я восстановила мельчайшие детали той сумасшедшей ночи. До каждого вздоха, до каждого укуса, до каждого шепота.

Порой мне казалось, что я окончательно спятила, раз прокручиваю снова и снова в голове волнительные моменты. Погружаюсь в то безумие, в буйство животных инстинктов и сумасшедшего притяжения, которому невозможно противостоять.

Блэр был прав... Две капли, что жили в теле Рандора, свели нас обоих с ума. Сделали заложниками магического магнетизма. А как будет теперь, без третьего лишнего? И будет ли вообще хоть как-то?

– Есть гораздо более важные вещи, которые нам следует прояснить, – морщась от неприятных дум, заявил Салливан.

Но я была с ним не согласна. Какие к троллям «важные вещи»? Есть только одна, что меня заботит.

Кого?

Зачем-то вспомнились пламенные локоны Эвер Валенвайд, волнами спадавшие на открытые плечи. Если она находится в Академии, значит, или магтрибунал, или Кесслер сняли с нее печать, запрещающую приближаться к Салливану.

И он тоже теперь может к ней приблизиться. Если захочет.

Я подошла к койке, на которой сидел Рандор. Странное волнение хлынуло в грудь, разлилось по венам ледящей жидкостью, закололо в пятках. Будто нам надо начинать все заново. Словно не было последних трех месяцев, в течение которых я стабильно приземлялась на его голову, а он хватал меня за все некстати подвернувшиеся части тела.

Даже как-то неловко стало. Я растерялась! Та ночь у Караваевой в гостях... была ли она вообще? Или это призрачное марево, иллюзорная дымка? Шурхов мираж...

Салливан следил за моим приближением безотрывно, и взгляд становился все строже. Нудный тролль в своей первозданной форме. Примеряет фирменную ипостась любителя нотаций.

Его глаза предупреждали: «Держись от меня на расстоянии. Не подходи, опасно». Но я была бы не я, если бы беспечно не продолжила путь и не остановилась ровно напротив мужчины.

Если бы я всех равнодушных слушалась, вообще бы с места не сдвинулась. Хватает у меня «приглядывателей».

– Что вы затеяли, Карпова? – севшим голосом уточнил Рандор, когда я нагнулась к его лицу.

– Мне надо вас...

– Мм?

– Понюхать, – призналась смущенно.

Надо – и все тут! Потерпит пару секунд.

– Это лишнее, вы не находите?

– Я нахожу, что вы пахнете лесом, – прикрыв глаза, сделала новое открытие. – Мокрой древесной корой и... чем-то свежим. Думаю, ветром.

– Нельзя пахнуть ветром, княжна.

– Можно. Морским, несущим соленый воздух. Только не южным, а северным. Непокорным, стремительным, рвущимся на волю, – я открыла глаза и распрямилась.

– Ваш отец знает, что вы в Академии? – магистр поерзал на койке, глядя на меня снизу-вверх.

Странное разочарование мелькнуло в его глазах. Словно тролль был не рад, что я так быстро исчезла из его личного пространства. Может, тоже хотел понюхать? А все уже, опоздал.

– Да. Я даже спросила у папы разрешения вас навестить, – еле удержалась, чтобы не показать язык. Вот, мол, какая я послушная девочка, когда захочу.

– Непохоже на вас.

– Взрослею?

– Да что-то не верится. Но звучит неплохо... Потому что вам придется запастись терпением.

– Мне?

– Я должен задать себе слишком много вопросов. И получить на каждый ответы, – про-бормотал нехотя мужчина. – Я совсем себя не знаю.

– Я знаю. Мне достаточно.

– Правда? Уверены? – в его насмешке сквозила горечь. – Боюсь, с настоящим Рандором никто из нас не знаком.

Хочет сказать, что он не нудный тролль, любитель нотаций? А как похож. Вот просто не отличить!

– Знаю, – уперто заявила, оправляя на себе голубое форменное платье и косясь на рукав черной водолазки, обтягивавший крепкое плечо. Видит тролль, ему шло. Даже очень. – Вы не зло. У вас доброе сердце. Я много об этом думала. У меня, знаете ли, была куча свободного времени.

Рандор резко поднялся с кушетки, но я не шелохнулась. Так и осталась стоять перед ним, глядя теперь снизу-вверх на заросший подбородок.

– Вот эти самые руки, – он продемонстрировал мне сжатые кулаки, а затем схватил за запястье. – Они причиняли боль. Они купались в крови. Эти самые, не чужие.

Салливан провел шершавым пальцем по шраму, оставленному его ногтем. Ухватил мягко за горло, погладил легонышко, нащупывая след от магического ошейника. Будь при мне фирменные мази Мари, я бы давно его вывела. Но меня так поспешно отправили в родовое имение, что я не успела прихватить косметические снадобья.

– Руки подчинялись голосу, – прохрипела, обхватывая его пальцы своими и с силой сжимаемая. Ему совсем необязательно барахтаться в сомнениях одному. Я тут и не собираюсь от него убежать. – А сердце с ним спорило. Я знаете, сколько об этом всем думала? Чуть единственную извилину не сломала!

Салливан позволил себе короткую улыбку, но тут же ее загасил.

– Меньше всего я хотел обидеть вас, птичка.

– Я в это верю. Как и в то, что вы вовсе не зло, расчетливое и эгостичное.

– Я вредил вашим любимым зверюшкам. Разве этого мало, чтобы вы меня ненавидели? – не убирая теплой руки с моей шеи, уточнил магистр.

– Вы бросили раненую шмырлиху перед целительским корпусом. Не уползи она в кусты и не уйди Милли на обед, Хлою-Жюли обнаружили бы раньше. И после, в теплице, вы подсказали мне, как ее спасти, – прошептала торопливо, пользуясь тем, что он меня слушает. – Вы же не знали, что у нас пустая аптечка и не хватает целителей! Вы сами жертва не меньше, чем мои шмырлы.

– Перестаньте. Хватит! Не смейте меня жалеть. Я не один из ваших питомцев, которых надо спасать, – передернул плечами Салливан и оторвал от меня горячие ладони. – Вы должны злиться. Кричать. Бросаться на меня с кулаками. Где весь ваш запал?!

– Нет запала. Весь поистратился, – призналась растерянно.

Ему совсем необязательно знать, о ком я думала бесконечными зимними ночами. Чьи загребушие лапы не давали мне покоя, чьи требовательные губы мешали мне заснуть.

– Ваша тигрица до сих пор на меня рычит, – строго напомнил магистр. – Советую брать с нее пример.

– Думаю, той ночью, когда я окатила вас «Животной страстью», вы не просто так бродили по лесу. Вы шли к оврагу, чтобы убедиться, что Сажель выпуталась. И явились бы туда раньше, если бы я вас не задержала «творческим экспериментом».

Я намеренно игнорировала его полыхающий взгляд. Свое чувство вины пусть подпитывает в себе самостоятельно, я в таких глупостях участвовать не буду. Мне папиных тараканов хватает.

– Карпова! Это красиво придумано, но...

– Вы воспользовались сетью, видя, что заряда в ней почти не осталось и за короткий срок она не нанесет большого вреда. Любая тигрица выпуталась бы за полчаса, дав вам отсрочку. Та ловчая сеть оказалась бракованной, но кто мог об этом знать? А потом вы достали для Сажельки «Сомнию» и...

– У вас слишком доброе сердце. Особенно в отношении монстров, – скривился магистр.

– А еще вы помогли мне освободить ламбикуров в Индии. Вы даже шурха, добытого из моих волос, убивать не стали. Да какое же вы зло?!

– Вы обещали, княжна. Что не простите, – заупрямился Салливан. – Так будьте последовательны и не вздумайте меня жалеть.

– А если вздумаю? Накажете? – насупилась я, ерзая в платье. – Шлепать будете?

Тело кипело жадной действий. Хотелось то ли с поцелуями броситься на него, то ли с кулаками... Никак не удавалось определиться в своих желаниях.

– Вы похожи на нахохлившуюся либри, Карпова. Поперхнувшуюся жуком-короедом.

– А вы мастер комплиментов. Хотите я расскажу, кто вы, магистр Салливан? – я задрала подбородок и посмотрела прямо в серые льдинки, искрившиеся на дне чем-то неизведанным, но безумно любопытным.

– Рискните.

– Вот эти ваши часы идиотские со стойким привкусом нафталина – они вам правда дороги. Как память. И хвостик завязывали вы, а не Блэр. Сами рассказывали, что в магприюте вас так научили, – пробурчала, не отрывая пристального взгляда. Кто из нас в ком тонул, было уже не разобрать. – Блэр сказал, что в юности вы любили животных и вырезали фигурки из дерева. А еще водили дружбу с поварихой и недурно готовили. И вы вспомнили все этого намного раньше, чем я вытолкнула из вас драного принца.

– Это мелочи, лежащие на поверхности. А что на дне? Кто? – прохрипел Салливан, пряча руки за спину. Словно сам себе запрещал прикасаться. – И что он еще способен натворить?

– Блэр говорил, что ему все труднее заставлять вас переступать через принципы и врожденную нравственность!

– Правда? А мне кажется, что я лично с вами, княжна, переступил все, что можно и нельзя, – магистр навис надо мной серой тучей, от заиндевелых глаз веяло холодком. – И не один раз.

– Вы не могли ничего поделаться. С собой и... со мной.

– С вами я очень многое смог поделаться. Ублиум Мортиса я пока не ел. А хотелось бы, – выдохнул тяжело.

– Вас толкали капли! – призналась пылко. Пусть уж лучше винит магические инстинкты, чем считает себя злом во плоти.

– М-да... Капли, – раздраженно повторил Салливан. – Я слышал тот разговор. Как в тумане, но слышал. «Магическая физиология»! Превосходно. Спятившие капли, голос, нашептывающий злодейские идеи, Судьба-богиня, та еще затейница... Такое чувство, что я сам в этом мире уже ничего не решаю!

Я отвернулась, обхватила себя за подмерзшие плечи и прошла до окна. Белые шапки теплиц, ажурные ворота Заповедника вдали, темно-зеленая стена, сотканная из елового воинства... Привычный вид успокаивал и притуплял желание кого-нибудь придушить.

Не так чтобы сильно притуплял. Но пока хватало.

– Вы так говорите, словно в притяжении капель-половинок есть что-то дурное, – пробормотала в недоумении. – Мои родители ни разу не жаловались на магию, искрящую между ними. Да и госпожа Пламберри не считает это смертельным диагнозом. А вы так морщитесь, словно хворь какую неприличную подцепили.

– Ваши родители тоже с шестнадцати лет слышали голос, подстрекающий к омерзительным делам? Их дух тоже пытались подавить, усыпить, выгнать из плоти? – Салливан расплелся все сильнее. Сопел загнанным горным троллем и мерил нервными шагами палату. – Их превращали в немых свидетелей творившегося безумия? В кукол, в марионеток?!

– Всякое бывало, – я повела плечом, с трудом понимая, куда он клонит.

Единственное, что пока четко осознавала моя извилина: целовать меня тролль не планировал. А жаль. Мне очень хотелось вспомнить его вкус и сверить его с воспоминаниями. Убедиться, что это все было наяву.

– Вы не понимаете меня, да, княжна? – догадался он с неприятной насмешкой. – Больше никто не будет управлять моей жизнью. Ничто не заставит меня думать, что я чего-то хочу, если я не хочу. Доступно объяснил?

Он остановился поблизости, подцепил мой подбородок и подтянул к себе. Так, чтобы каждое слово, брошенное с неприкрытой яростью, вбивалось мне в ухо и отпечатывалось в сознании.

– Никто. И ничто. Ни паразитирующий дух доисторического маньяка. Ни шурхова богиня Судьба, – шипел возмущенно Салливан, окатывая горячим дыханием мой подбородок. – Ни драная капля, что нестерпимым, мучительным магнитом тянется к другой. Что вытрясает всю душу, что разрывает в клочья плоть. Путает мысли, велит нарушать все мыслимые правила, все собственные принципы... Заставляет творить безумства, за которые, по хорошему, меня следовало бы лишиться головы...

– А она еще тянется? – робко уточнила, прикусывая губу.

Интересно ведь. Так уж вышло, что злобных троллей, сотрясающих воздух и пыхтящих бешеными самоварами, я совсем не боялась. Иммунитет у меня к ним. И потому вместо ужаса и смирения во мне проснулась неблагоприятная любознательность.

– Кто тянется?

– Капля. Ваша. Непослушная, – прошептала, чувствуя, что еще чуть-чуть, и меня засосет в серебристо-серые омуты без остатка. – Тянется?

– С одной я как-нибудь справлюсь. С моей. Непослушной, – уточнил недовольно Салливан. – Я достаточно взрослый мужчина, чтобы совладать с магическими инстинктами.

Ноздри «достаточно взрослого мужчины» угрожающе раздувались, глаза искрились расплавленным серебром, челюсть сжималась. Грудь ходила ходуном под черной Артовой водолазкой, которая магистру все-таки была узковата.

Ну вот зачем все так усложнять? Пыхтеть, распинаться? Почему нельзя просто меня поцеловать и...

Его губы впечатались в мои так неожиданно, что я замычала удивленно. Глаза распахнула так широко, что со стороны они должны были напоминать бирюзовые блюдца.

Я послушно подалась вперед, вжалась в беспокойное тело, задрожала. Рандор целовал жадно, глубоко. До мурашек под коленями, до слабости в каждой мышце. Ровно так, как мне нравилось. Так, словно хотел на деле показать, как я желанна, как нужна ему сегодня. И как буду завтра.

– Хватит! – скомандовал Салливан, отрывая меня от себя, хватая под бедра и не деликатно усаживая на подоконник.

Все в его обескураженном виде намекало, что это я на него нагло набросилась, соблазнила и к поцелуям принудила. Вот ведь тролль!

– Никогда больше так не делай, Аврора, – севшим голосом добавил магистр, убеждая меня в том, что тронулись сегодня решительно все.

Начиная от папеньки и крестного, уверенных, что Блэр не возродился. И заканчивая вот этим невозможным чудищем, решившим, что я представляю для него угрозу.

– Я делала? Я?!

Да я как дышать забыла от возмущения!

– Именно ты. И больше не повторяй.

– Ну знаете!

– А вы не поняли, княжна, что произошло, да? – усмехнулся тролль, задумчиво потирая пальцами свои губы.

Не знаю, как его, но мои до сих пор покалывало от жажды продолжения. Совершенно неджентльменский поступок, как на мой взгляд, оборвать такое приятное мероприятие столь неприятно!

– И чего вы смотрите на меня, как на бомбу замедленного действия? Тикающую такую. Которую вы понятия не имеете, как обезвреживать, – я уперла руки в бока, всем видом требуя, чтобы на меня глазели попроще. И полюбезнее.

– Потому что вы и есть крайне взрывоопасная субстанция, княжна. Насчет замедленности не уверен, но тикаете вы громко, – фыркнул магистр. – И я понятия не имею, что с вами делать.

– А минуту назад имели вполне четкие представления!

Рандор потер бровь и плюхнулся на ближайшую кушетку. Развалился на ней, как у себя дома, и уставился в потолок. Намек, что аудиенция у сиятельного тролля окончена? Так я еще не все высказала.

– Мне нужно время, чтобы во всем разобраться, – занудно повторил Салливан, едва шевеля губами. Я даже поближе подошла, чтобы его расслышать.

– Без моей помощи, полагаю?

– Уж точно без вашей. Повторите свой фокус – видит Судьба, и впрямь вас отшлепаю, – он скрестил руки на груди и скопил на меня глаза. Суровые такие, решительные. Чтобы я не сомневалась: точно отшлепает. – Не смейте внушать мне, Карпова. Я пока еще не восстановился, но, поверьте, уже могу отличить чужие мысли от собственных. Послушно следовать чужой воле, даже вашей – последнее, чего мне сейчас хочется.

– Я вам внушила? Себя поцеловать?!

Я обескураженно всплеснула руками. Нет, таких занятных отговорок даже Эйр не придумывает. У него все больше «дар напророчил» да «богиня велела».

Шурхов тролль! Обидно до чертиков. Неужто трудно признать, что сам хотел.

– А вам не помешает разобраться в себе. Похоже, новый дар раскрылся с весьма неожиданной стороны...

Так он серьезно? Или возвращаемся к мысли, что все вокруг спятили?

– Нет у меня никакого нового дара. Только старый.

– Так, ладно, пойдемте, Карпова, – он резко сел и схватил меня под локоть. – Шутки шутками, а это может быть серьезно. Я тоже не так давно обладал ментальным даром, который пытался игнорировать. И вот ведь новость – пару недель, как обладать я им перестал.

– Вы на что это намекаете? – я вырвала руку и попятилась. – Никуда я с вами не пойду.

– Даже к отцу?

– К нему тем более!

– Карпова, ну что за капризы? – изумился тролль, делая аккуратный шаг ко мне. Я сделала аккуратный шаг от него. На опыты – не дам! Только на поцелуи, причем по обоюдному желанию. – Ведете себя, как маленькая трусишка. Надо просто убедиться...

– Что Блэр не влез в меня? – я спряталась от него за зельеварительным столом.

– А по-вашему, Карпова, это нормально, когда в маге внезапно объявляется второй дар? Да еще ментальный?

– У моего брата два, – я обиженно повела плечиком, не переставая отслеживать его перемещения по палате. – Логично, что и у меня тоже. Он проснулся почти одновременно с первым.

– Внушение? Как у Блэра?

– Ну, глаза у меня его породы, так почему бы и дару не быть похожему? – я сжала руки в кулачки, не собираясь признавать, что во мне завелся шурхов паразит. Темный Принц у меня уже в печенках сидел. Не хватало, чтобы и еще где-то освоился. – Нет во мне никаких постояльцев, вам ясно?

– Проверка не повредит.

Вот что за несправедливость? То нет ни одного раскрытого дара, то сыпятся, как из рога изобилия!

– Тогда проверьте сами. Если отец устроит мне «Темное соединение», то увидит много лишнего, – пробормотала смущенно. Много, много лишнего. Шурхову тонну. – Вы ведь умеете, я не сомневаюсь. Блэр обязан был научить темным штучкам.

– Копаться в вашем сознании? Спасибо, княжна, я пока еще надеюсь сохранить свое, – хмыкнул магистр. – Хотя бы его остатки.

– Тогда сойдемся на том, что нет у меня никакого дара внушения, – предложила я компромисс. – И вас ко мне толкнула ваша шурхова капля.

– Мне не шестнадцать, Карпова, чтобы бросаться на девушку, как голодный пес, – процедил магистр. – Только лишь потому, что так желает паразит, обустроившийся в глупом человеческом теле.

– Сами вы паразит.

Обидно за каплю стало. Она ведь не виновата, что была разлучена со своей половинкой и изо всех сил стремилась к воссоединению.

Я вот тоже стремилась. Правда, все больше к воссоединению своих рук и магистерской ши. Но это уже нюансы.

– А ваша капля, княжна?

– Мм?

– Тянется? – губы Рандора дернулись в неявной ухмылке.

Так я и рассказала этому троллю!

– В данный момент у меня к вам тянется только кулак, магистр Салливан.

– Будьте послушной девочкой и сообщите о проклюнувшемся даре отцу, – велел Рандор, поправляя на поясе непривычные джинсы. – А насчет «лишнего»... Я вполне готов ответить за свою несдержанность. И перед ректором, и перед магтрибуналом.

– Если доживете. До второго, после первого, – я закатила глаза, намекая, что шансов маловато. – А мне и одного приглашения в суд достаточно.

– На самом деле, я удивлен, что ректор сразу не провел допрос «темным» способом, – признался Салливан и смахнул черные пряди, упавшие на лоб. Теперь, после стрижки, их было даже больше, чем раньше. – Я бы дал согласие. Но он не просил.

– Может, еще попросит, – проворчала, особо не надеясь на удачу. Чтобы папенька – и забыл в чьей-нибудь голове покопаться? – И что вы планируете делать дальше?

– Я большой мальчик, Карпова, – заговорщицким шепотом «признался» Салливан. – Я сам во всем разберусь. Без подсказок. Без настойчивых попыток спасения и «причинения добра». А если вы еще хоть раз попытаетесь мне что-то внушить...

– Да будто я намеренно! – я стукнула его кулаком в плечо, и он машинально перехватил мою руку. Сверкнул глазами опасно, хищно. И дернул на себя.

Я влетела в каменное троллье тело так резво, что потеряла ориентацию в пространстве. Голова закружилась. Рот наполнился вкусом. Чужим, терпким, мужским. И где-то на задворках сознания промелькнула мысль, что это губы Салливана накрепко смыкаются с моими. И его горячий язык так по-хозяйски обжигает мой.

Это ведь не я? Не я же?

Боги, или я? Но я даже не думала о поцелуе! А он? Он думал?

Рандор оторвался и удивленно уставился на меня. Задаваясь, видно, теми же вопросами и разыскивая виноватого. Я тоже глазами захлопала. Неужели новый дар настолько неподконтролен?

– Судьба свидетель, сейчас я этого не хотела, – неуверенно прошептала, ощущая во всем рту его бесконечно знакомый вкус. Такой пьянящий, такой нужный, что дурно делалось. – Это не я... Честно!

– Знаю. Вот это – не вы, – нахмурился тролль и с силой потер лицо. – Драная капля... Нам обоим стоит быть осторожнее со своими желаниями.

Салливан подхватил с пола сумку, набитую одеждой, и направился к двери. Куда он уходит? Где планирует искать себя и отлавливать собственных демонов?

И что делать, если я не хочу быть осторожнее? Ни капельки!

Глава 3. Об идентификации тролля

Анна

– Ты припозднился, – выдала я очевидное, пытаясь разглядеть супруга за кипой документов.

Сегодня он проторчал в ипостаси Демона-бумагомарателя почти весь день. Заперся в кабинете сразу, едва получил повестку в магтрибунал, проигнорировал завтрак, обед и ужин и сделал исключение лишь для Фридриха и Эвер.

– Нужно многое успеть, пока это еще в моей власти, – задумчиво пробормотал Андрей, не поднимая чернявой головы. Седины в ней было не так уж много, как он жаловался.

– Может, обойдется? – неуверенно прошептала, проходя вглубь кабинета и усаживаясь на подоконник за его спиной. – Раньше Судьба всегда за нами приглядывала.

– Вот уж на чью-чью, а на ее милость я бы не рассчитывал, – он потер уставшее лицо и повернулся в кресле. Почесал затылок, размял шею. Кивнул на бумаги. – Мелочи, Ани, ничего серьезного. Ввел пару новых факультативов, восстановил в должности Кесслера, утвердил леди Валенвайд, продлил контракт с Салливаном... И еще несколько скромных, незаметных глазу реформ.

– Новые факультативы? Звучит жутковато. И похоже на маленький переворот, – осторожно уточнила у Андрея.

– Ты никогда не хотела научиться магической левитации? – усмехнулся мой уставший Демон и похлопал себя по коленям, приглашая их занять. Оценив твердость и холод подоконника и взвесив шансы на продолжение разговора при моем перемещении, я все же перебралась на Андрея.

– Мне хватает приключений на земле, – я обвила его шею руками и поправила носом единственную седую прядь у виска. – Кстати, о контракте магистра... Ты не хочешь со мной поделиться?

– Чем именно, пигалица? – Карпов придал лицу выражение полнейшего недоумения, но я не купилась.

– Что ты видел?

– Где?

– Прекращайте водить меня за нос, Андрей... Владимирович, – я с интересом наблюдала за хлопаньем густых черных ресниц. Нет, ну каков! – Брось, я все заметила. Там, в больничном, когда мы лечили Ланге. Магистр потерял сознание, и ты...

– Тебе показалось, – нагло ухмыльнулся Демон, шерсть линияющей морфовой бабушки ему в цветочный сбор.

– Когда мне что-то кажется, всем в Академии обычно креститься надо, – я постучала указательным пальцем по его надменному княжескому носу. – И молиться, чтобы мне и впрямь показалось.

– Ани, «Темное соединение» без согласия незаконно. Я ректор, я обязан соблюдать самолично написанный Устав, – Карпов неожиданно развел руками, и я едва удержалась на его коленях.

– Ты что-то видел, – еще увереннее заявила я. – И потому почти не допрашивал магистра. Я бы и рада поверить в твое сочувствие и деликатность, в нежелание ковырять кровоточащую рану... В конце концов, у тебя в голове Блэр тоже однажды похозяйничал...

– Спасибо за напоминание.

– Вот только что-то не верю, – закончила свою мысль, обхватила его за острые аристократические скулы и развернула лицом к себе. – Он упал, и ты под видом помощи коснулся

его виска. Я, конечно, оранжерейная мисс, но ты давно признал, что в голове у меня вовсе не малиновое желе.

– Порой я очень об этом жалею, – неправдоподобно фыркнул муж и покрепче обнял меня за талию, чтобы не сползала. – И все же уверяю, пигалица: тебе показалось. А допросов Салливан избежал по очень простой причине: свидетель из него никудышный. Во время процедуры магической идентификации говорил в основном я. А он внимательно слушал.

– Ее результаты – новость для многих, – я вздохнула, все еще переваривая наш визит в Регистрационную залу Эстер-Хаза.

– Он неплохой преподаватель. Я принял решение оставить Салливана в штате, посмотрим, как пойдет. Пригляжу за ним лично, – от коварных ноток в демоническом голосе волоски зашевелились даже на моем, привычном к такому, затылке. Дай Судьба, магистр все-таки выживет.

– Какое великодушие...

– Обезьянка права: часть вины лежит на мне, – Андрей был серьезен. – Стоило еще двадцать лет назад проверить и убедиться, что с Блэром покончено.

– Кто мог подумать?..

– Тамара смогла, – неприязненно процедил он. – И подумала.

Его лицо застыло каменной маской. Так случалось всякий раз за эти две недели, когда речь заходила о Караваевой. Карпов превращался в Демона не просто Мрачного, а Мстительного, готового разрушать, заново собирать и опять крушить.

Дикая кошка не пожелала стать драной и исчезла со всех магических радаров. Ее след не смогли отследить ни ламбикуры, ни морфы и ни один из разрешенных Советом поисковых ритуалов. Медальон, отобранный у Авроры, на расстоянии блокировал любые ментальные чары.

Похоже, Тамара, как и похвасталась дочери, добралась до зоны, свободной от магии. Туда, где теряли силу дикие капли. Где фон был настолько беден, что и искры из жезла не высечь.

Как сама Караваева планировала выживать в магической пустыне – тролль ее знает. Но сейчас это было единственное место, где она могла скрыться от мести Андрея. И не только его.

– Ты снова был в имении Караваевых, да? – я ревниво повела плечом.

Я находила мало приятного в его одержимости поисками Тамары. Сейчас хватало других проблем. А если вечно смотреть в сторону сбежавшей дикой кошки, велик риск подставить спину другим врагам. Тем, кто успел подобраться слишком близко.

Да и сам факт, что мой Демон вечерами торчал один в ее пустом доме, меня категорически не радовал.

– Не бурчи, пигалица, – он легко считал мое настроение и довольно улыбнулся. – Поскольку мы не допустили к «Делу Блэра» следователей из Эстер-Хаза...

– Нет никакого «Дела Блэра», – я испуганно покосилась на стену. В последнее время не покидало ощущение, что за нами наблюдают.

– Вот именно. Поэтому расследованием пришлось заниматься нам с Фридом. Он и леди Валенвайд видели историю с другой стороны, а дневники Лукаса с пометками Тамары дополнили картину, – Карпов ухватил меня за подбородок и подтянул к себе. – Так что, Ани, теперь я могу тебе подробно рассказать, как все было. И кто такой этот шурхов Салливан.

– Ну и... кто?

– Помнишь маг-идентификационную карту, выданную магистру? – прошептал он мне практически в губы, переметнувшись в ипостась Демона-искусителя.

Заманчиво... Но я слегка отстранилась от чрезвычайно притягательного мужчины, волей Судьбы ставшего моим мужем. Очень уж хотелось дослушать историю. А то знаем мы, чем

обычно все это заканчивается. Опять Квит будет ворчать и глядеть с укором, оттирая Сияющую материю с ректорского стола.

– В поисках наследника Блэра Лукас отследил весь род Салливанов, от внебрачного сына Доротеи Хэтэвей и до последней девицы по имени Сесиль. На ней след и оборвался.

Известно, что управляющий, усыновивший мальчика, дал тому неплохое образование и вырастил, как родного. Вдова Хэтэвей в течение всей жизни поддерживала семейство крупными суммами, и они десятилетиями не знали нужды. Что любопытно, рождались у Салливанов только юноши, и в каждом зрел отголосок великого дара.

После кончины леди Хэтэвей денежный ручей пересох. Семье управляющего пришлось туго. О ней пошла грязная молва – дескать, юные маги используют запрещенное в тех краях ментальное воздействие. Салливанам пришлось перебираться с места на место, чтобы не привлекать лишнее внимание, и с годами их след окончательно растворился...

Но Лукас был настойчив. Перебрал магические хроники Уэльса последних лет и наткнулся на имя: Сесиль Салливан.

Шестнадцатилетняя девица попала на воровстве. Она пыталась внушить мяснику желание угостить симпатичную волшебницу. Сесиль признали сиротой и решением магтрибунала направили в приют имени Святой Августы, покровительницы юных чародеек. Но девушка туда так и не добралась.

Как она провела следующие два года, никто не знает. Но на свадебном портрете с Кайлом Кавендишем, копию которого я нашел в записях Лукаса, ей уже около восемнадцати. Темные волосы, светлые глаза, румянец на щеках... Яркая, цветущая, запоминающаяся красавица рядом с угрюмым рыжеволосым лордом. Сейчас ей было бы... примерно пятьдесят пять.

– Мать магистра? – я подалась вперед, внимая каждому слову. – А этот Кайл, он...

– Один из племянников Лукаса. Приходился дядей Кивану и Питеру, – пояснил Андрей, поудобнее устраивая меня на своих коленях. Со стороны могло показаться, что он рассказывает мне сказку на ночь. Очень, очень грустную сказку. – Свадьбу Кайл сыграл поспешно, тайно. Полагаю, Сесиль уже ожидала наследника.

– Выходит, Салливан... эмм... двоюродный брат Пита? – я потрясла головой, понимая, что совершенно запуталась. – И очень дальний родственник Мари по линии Хэтэвеев?

– А я еще думал, откуда мне так знаком дар заклинателя стихий, – хмыкнул Демон. – Эти невыносимые воздушные телепорты, устраивающие погром в Пункте Связи... А младшей леди Кавендиш, если я верно помню, досталась?..

– Вода, – выдохнула, вспомнив, как переполошилась Дженни, когда в Джил проклюнулся стихийный дар. И как требовала у Пита, чтобы он вынул «эту опасную ерунду» из их дочери и засунул... Куда-нибудь, словом, засунул. Джен не стеснялась в выражениях, когда сильно нервничала. – Как и у Лукаса. Выходит, потерянный наследник Блэра был у лорда Кавендиша перед самым носом, в фамильном древе?

– Судьба та еще шутница, – скривился Карпов, у которого с богиней были давние счеты. – «Сесиль... девица девятнадцати лет... умерла в родах». Все, что есть о ней в их фамильной книге.

Я как-то листала ее, незадолго до свадьбы Джен. Беспокоилась за подругу. Известно, что жены Кавендишей никогда не жили долго и счастливо. Словно сама магия рода проклинала вступивших в него дев. Кто-то сходил с ума, кто-то трагически погибал...

Но Дженни с мужем повезло: Пит в ней души не чаял и никому не позволил бы обидеть свою рыжую ворчунью. И это было заметно по ее вновь округлившемуся животу.

– Сесиль не стало спустя год после свадьбы, – договорил Андрей. – А через пару лет мир оставил и ее супруг, оборвав тонкую, лишнюю ветвь. Говорят, при жизни он был весьма жестоким, но к жене относился трепетно. До определенного момента.

– И как наследник Кайла Кавендиша оказался в магприюте? – я поерзала на твердых коленях.

– Сесиль заслужила любовь «принца» обманом. Ее трудно осуждать: девушка была занята выживанием в опасном мире. Все, что осталось ей от разоренного рода – редкий ментальный дар. Так что девица внушила юному Кавендишу и чувства, и желание жениться, и уверенность в том, что сама она – аристократка по фамилии Пьемонт. Вот только беременность у магов не всегда проходит гладко...

– Мне ли не знать! – фыркнула, поглаживая живот и как раз в этот миг уговаривая непослушную капельку поумерить внутренний фейерверк.

– Дар Сесиль ослабел и стал давать сбои. Все чаще Кайл поглядывал на прекрасную жену, как на незнакомку, вместо любви испытывая раздражение и недоумение, – вещал Карпов спокойным тоном заправского сказочника, легко баюкая меня на руках.

У него был опыт: лет до пяти Ава соглашалась засыпать только с папой. Уж не знаю, что за байки рассказывал ей Андрей, но неугомонное создание я находила уже спящим. В компании громко сопящего Демона, от усталости отключавшегося прямо на полу между двух кроваток.

И сейчас я убеждалась, что его размеренный, густой голос действует безотказно даже на взрослых. Приходилось уговаривать себя держать глаза открытыми, чтобы узнать продолжение.

– Наконец, Кайл очнулся от морока, в котором жил целый год. Осознав обман, он возненавидел супругу. Пообещал отомстить, едва та подарит ему наследника. Как именно он собирался проучить обманщицу, история умалчивает. Но перепуганная Сесиль решила на побег.

Месяц Кайл искал жену, проклиная весь ее род. Призывая Судьбу покарать девчонку, что сумела его провести. Ему была отвратительна сама мысль, что он смешал свою королевскую каплю с кровью простолюдинки. Что поддался чарам деревенской неумехи. Кавендиш даже не задумался, откуда в его юной супруге такой сильный дар.

– Как это все печально, – сонно подала голос.

– Да, Ани. Прости за грустную сказку, – извинился Андрей.

– Что было дальше?

– Ты знаешь. Дальше Судьба вняла требованиям гордого принца и покарала весь род Салливанов. Его сын, когда вырос, узнал на собственном опыте, что такое – годами жить, подчиняясь чужой воле.

Что до Сесиль... Она нашла убежище в том самом магприюте Святой Августы, в который не доехала в шестнадцать. Роды были непростыми, вся ее капля ушла на поддержку малыша... Последняя просьба матери – чтобы мальчику официально дали имя ее рода. Так появился Рандор Джей Салливан.

После смерти девушки фамильная книга сама сделала соответствующую отметку в древе. А рядом с ней появилось неяркое пятно, словно кто-то пытался стереть грязь. Кайл перестал искать сбежавшую жену и наследника, посчитав, что погибли оба.

Исходя из записей магприюта, до шестнадцати лет мальчик не проявлял особых способностей – ни ментальных, ни стихийных. А затем в нем разом пробудились оба дара.

Наибольших успехов юноша достиг в родной, воздушной магии. Но и другие способности в нем то и дело проявлялись. Так, он прекрасно закрывал свое сознание и мог вторгаться в чужое. Ласково и едва заметно.

– А сейчас? Ты проверил? – обеспокоенно спросила у мужа. Даже проснулась по такому важному случаю.

– Ментальный дар ушел вместе с каплей Блэра. Стихийный все еще полноценно раскрыт, – Карпов потер подбородок и вздохнул. – Тамара сделала то, что не успел Лукас: нашла мальчишку, оплатила обучение и стала ему старшим другом. Приглядывала за ним, помо-

гала... Даже там, где он не просил. Помнишь историю с хеккаровым бешенством, из-за которого сорвались индийские тесты?

– А что с ним? – я потеряла глаза, мечтая поскорее переместиться в кровать.

– В доме Тамары я нашел договор на покупку больного хеккара.

– Она намеренно заразила делегацию? – поперхнулась я, удивленная столь затейливым планом. – Но зачем?!

– Полагаю, она опасалась, что при тестировании Салливана древние чары раскроют дух Блэра, затаившийся внутри. И магистр раньше времени узнает о «постояльце», – мой Демон передернул плечами и, обхватив меня покрепче, поднялся с кресла. – Она придумала надежный способ заставить доктора Сингха нарушить обещание, данное Вяземскому. Вынудила выставить за порог и сопливых студентов, и чихающих преподавателей. Суеверия индийских магов широко известны.

– Ты как будто ей восторгаешься, – неприязненно протянула, чувствуя, как в груди закипает ревность.

– Я ее недооценил, Ани. И за это поплатился, – сдержанно объяснил Андрей. – Теперь, ради блага моей семьи, я готов признать Тамару сильным соперником. Опасным в своем безумии. Согласным на любой «сопутствующий ущерб». Именно поэтому ее надо скорее найти.

– Надо было снова разбить ей нос, едва она появилась на нашем пороге, – вздохнула я больше разочарованно, чем воинственно: момент давно упущен.

– Нет, Ани. Теперь моя очередь, – заспорил Карпов, вынося меня из кабинета. – Не по статусу моей беременной супруге кулаками размахивать. Хотя я и не сомневаюсь в твоих способностях, «мисс Эшантель».

– А вот дразниться необязательно! – я с силой пихнула его в плечо. Так меня можно называть только Присс, и то по семейным праздникам. – Выходит, наш новенький магистр может претендовать на часть наследства, оставшегося Питу?

– Может. Но вряд ли станет.

– Я все равно напишу Джен, – я перевела взгляд в окно, за которым мягко стелилась темень.

Где-то там – за лесом, за мостом, за Деревней – начинаются земли Кавендишей. Бесконечные фермерские угодья, на которых они выращивают редкие растения для магических существ. Питер вложил почти все средства в свои плантации. И, наверное, будет честным, если какой-то участок земли перейдет Салливану.

– Магистру пойдет на пользу твердая опора под ногами. Он ведь совсем один.

– Просто он пока не знает, сколько у него рыжих неугомонных племянников, – закатил глаза Демон и вошел в нашу темную спальню. – Так, Ани... А теперь сказке конец. И маленьким пигалицам пора в постель...

– А большим? – уточнила я, выразительно поиграв бровью.

За эту прогулку я умудрилась проснуться. Да и Карпов сопел надо мной как-то... воодушевленно.

– Большим – тоже в постель, – строго заявил «господин ректор». – Но можно еще немножко не спать. Как ты себя чувствуешь, Ани?

– Младшая «капелька» больше не шалит и не тянет магию из мамы. Стала послушной девочкой, – улыбнулась довольной.

Еще бы старшие были такими послушными – и можно по полной программе ощущать радость материнства. Без оглядок на грозящую взорваться Академию и залюбленных до обморочного состояния животных.

– Или мальчиком, – настороженно поправил Демон.

– А ты упрямый, Андрей Владимирович... Или наивный, – я помяла черный воротник его рубашки и аккуратно расстегнула верхнюю пуговицу. – Знаешь ведь, как «внимательна» к твоим желаниям богиня Судьба...

Глава 4. О трибунале и магической опеке

Аврора

Утро в Эстер-Хазе было непривычно тихим. Настолько, что можно было распознать легкое стрекотание бескрайнего купола-невидимера, накрывающего столицу магического сообщества.

Гомон сотни языков не вбивался в уши, торговцы не зазывали в свои лавки, площадь перед зданием Верховного Совета не пересекали погонщики диких тварей... Эстер-Хаз затаился. И ждал.

Ждал визита князя Карповского на слушание. Ждал слов обвинения, речей свидетелей и решения магтрибунала. Попасть внутрь мечтал каждый из тех, кто собрался на площади. Но стражи пускали строго по приглашениям.

Позолоченные ворота открывались перед теми, кто демонстрировал заговоренному фонарю официальную теле-маго-грамму. И тут же закрывались за их спинами.

– Отец с меня шкуру спустит, – ворчал хмурый Арт, продираясь сквозь молчаливую толпу к воротам. – Он твердо велел тебе сидеть дома и на магтрибунал не соваться.

– Как и тебе! – напомнила затылку вечно угрюмого брата. – Но свидетелем приглашали меня, а ты за княжну Карповскую ну никак не сойдешь. Даже если я одолжу тебе всю свою косметику.

Арт засопел громче и потянул меня за собой. Он упорно двигался вперед, пробивая путь корпусом и грубо расталкивая зевак плечами. Я за его спиной ощущала себя, как крошечный торговый катерок за мощным ледоходом.

– Только поэтому я взял тебя с собой, – Арт обернулся и красноречиво поморщился. – Ты прилагаешься к глупой картонке. Но имей в виду: я с отцом согласен. Тебе тут не место, обезьянка.

– Бла-бла-бла...

Я старательно закатила глаза: он не в первый раз затеял этот разговор. И даже не во второй. Вот словно мне любителей нотаций по жизни не хватает!

Хотя... последние дни их действительно не хватало. Не всех, а одного конкретного, лондонского, троллеподобного.

– Мы послушаем официальную речь и сразу уйдем, – предупредил брат, который был старше меня всего на минуту, а важничал не меньше какого-нибудь дядюшки.

– Да тебя самого оттуда через десять минут за уши не вытащишь!

Только перепалки с братом и спасали от тревожного чувства, что скребло по внутренностям и распугивало тараканов. Те разом притихли, едва наступило утро суда.

– И без глупостей, Ава, – пригрозил пальцем перед моим носом Арт, сгущая черные брови над глазами, словно две грозовые тучи.

– Смею напомнить, что это не я чуть что бросаюсь на людей с кулаками и в любой непонятной ситуации зову на дуэль, – профыркала, выныривая наконец из толпы на пустую площадку перед воротами. Я поплотнее натянула капюшон зимнего плаща, спрятавшись в теплой ткани по самый нос, и сунула теле-маго-грамму под магический фонарь. – Никто не узнает, что мы здесь.

Карточку, украшенную красной лентой и серебряной звездой магтрибунала, пришлось украсть. Едва отец с мамой покинули Академию, как мы проникли в ректорский кабинет. Небольшое вторжение с элементами магического взлома... Словом, ничего необычного. Раньше мы с братом часто так развлекались.

Что-то щелкнуло, зашипело... и золотые ворота перед нами открылись. Мы с Артом оба уже бывали здесь раньше и имели представление, где расположена главная зала заседаний Совета.

Налево, наверх... Пара лестничных пролетов... И направо по коридору до двух каменных горгулий, охраняющих вход. Здесь тоже придется показать официальный штамп с открытки, назвать имя и цель визита.

Честную цель визита. Горгульи никому не передавали информацию, но ни за что не впустили бы внутрь того, кто замышлял дурное, был изначально намерен лгать и способствовать побегу.

– Аврора Карпова, княжна Карповская, первая этого имени. Магически несовершеннолетняя, в сопровождении брата.

– Це-е-ель... – прошипела правая.

– Визи-и-ита... – договорила левая.

– Узнать, какого драного тролля тут происходит! – в сердцах заявила обеим каменным мордам, покрепче вцепляясь в локоть Арта. – Выяснить, в чем обвиняют моего отца и о какой опеке идет речь!

– Проход-и-и-ите... – кивнули обе, впуская нас в огромный, ярко освещенный зал.

Мы оказались сверху, на самом дальнем ряду от центра, где заседал сам Совет. Места были по большей части заняты. Мы нашли пару свободных кресел, обитых черным бархатом, и быстро на них упали.

Все это чем-то напоминало театр. Абсурдный, нереальный. Зрители терпеливо ждали начала представления, тихо перешептываясь и поглядывая вниз. Туда, где вот-вот должно было развернуться жуткое действие. С моими родителями и мерзким графом Вяземским в главных ролях.

Прошло десять минут, а отвратительное «представление» все не начиналось. Я уже успела дыру проделать в бархатной обивке. Пыхтя праведным возмущением, рассмотрела все лысины и благородные седины магов, сидевших в первом ряду.

Повертев головой, нашла макушку крестного в нескольких метрах от нас с Артом. Откинулась в кресле, отгородившись от Фридриха дородной дамой в золотистых рюшах и перьях. Неужели в суд принято наряжаться, как на бал?

– Не ерзай, непоседа, – проворчал брат в мое ухо. – Если будешь так вертеться, отец нас заметит. И столица магического сообщества может не устоять.

– Мне тут все равно никогда особо не нравилось. Слишком шумно, холодно и столько правил...

Я покосилась вниз, на чернявую папенькину макушку, отмеченную парой седых штрихов у висков. У него хватало забот и без нас.

На матери, сидевшей на низком неудобном диванчике, совсем лица не было. Бледная кожа пугающе контрастировала с элегантно-темно-бордовым платьем. Ей, как и мне, непросто давалось ожидание неизвестного.

Отец грел ее руки в своих и что-то успокаивающе говорил. Я могла вообразить себе его густой, уверенный голос. И даже на расстоянии от этой картины мне становилось немного спокойнее.

– Скажи, как захочешь уйти, обезьянка, – хмуро предложил брат, но я только нервно мотнула головой.

Не уйду. Мама сидит, и я буду.

– Не называй меня обезьянкой, – отрешенно пробормотала, просто чтобы не молчать.

Арт, конечно, предпочел бы сидеть угрюмым сычом и дальше. Мне же, чтобы унять нервную дрожь в коленях, нужно было с кем-то болтать.

– А кем еще? Ты вертишься, как мартышка, – пожал плечами брат. И насмешливо так добавил: – А уж как прыгаешь!.. Тролля можешь завалить на лопатки. Сам видел.

Я резко повернула к нему голову и прищурилась. Это так совпало про тролля или негодник снова копался в моих мыслях? Очень, очень мне не хватало мамино медальона с «Ментальным щитом».

– Вынь свои уши из моей головы, Арт, – строго приказала невозмутимому парню.

Со мной опасно ссориться. Я ведь и чесоточный порошок в белье могу подсыпать, и заштопать что-нибудь лишнее.

– С радостью. Есть вещи, которые я не хотел бы знать о моей сестре.

– Это взаимно, – грозно засопела. – Ну и... что у тебя с Рейной?

– Ава...

– Что? Мне нужно чем-то себя занять, пока на кресле еще осталась обивка, – я расправила юбку и заставила себя сидеть смирно. Не подпрыгивая и не вертясь волчком. Удавалось мне это паршиво. – Так у вас все серьезно?

– Не знаю, – сухо бросил Арти.

– Врешь, – припечатала я и проницательно заглянула в черные демонические очи. – Как можно не знать, нравится тебе человек или нет?

– А ты везде видишь романтику, да? – хмыкнул брат.

– Я? – поперхнулась изумленно.

Как обо мне можно такое подумать? Я вообще о серьезных отношениях не задумывалась до... вот этого вот всего. Троллеподобного.

И ведь насколько легче жилось! Да, меня иногда волновали кудряшки и ямочки на щеках господина Хайва... но от них никогда не было больно. Его слова не ранили и не расковыривали в груди вулканический кратер.

– Ты, ты... Я не говорю, обезьянка, что чувства – это плохо. Но в моем случае это лишнее. Эмоции туманят разум. Из-за них творишь... глупые вещи, – брат уселся поудобнее, сложил руки в замок и опер на них подбородок. – Останься я в патруле на Рождество, может, и заметил бы что. Помог бы Макферсону, не дал бы похитить Дорохова. А теперь они оба в лечебнице.

– Ты не страж. Ты ученик, – напомнила ему миролюбиво и потрепала по черной челке, застилающей лоб. Такой у него вид был мрачный, загруженный тяжелыми думами, что даже подкалывать расхотелось. – Но мне про сержанта Шо все равно интересно.

– Ох уж мне твой любопытный носик... – он язвительно ухмыльнулся.

– Арт!

Несправедливо, в конце концов! Он может мои мысли читать, а я его – нет. Я для брата – как прозрачный хрустальный шар на ладони, а он – как закрытый на все замки угрюмый черный кирпич.

– Вы были такие помятые... И на Рейне была твоя футболка... – продемонстрировала я чудеса дедукции.

Этак у брата скоро одежды не останется – всем раздает. Добрая душа. Когда не зовет тебя на дуэль и не грозит убить самым изощренным способом.

– Такие вещи не всегда подразумевают любовь, – Арт потер лицо и прикрыл ладонью губы. – Мы... заинтересовали друг друга. Только и всего. Не думаю, что это может перерасти во что-то серьезное. Мы с Рейной слишком похожи.

– Точно, – фыркнула насмешливо и покачала головой. – Тебе ж надо кого-то защищать, а она сама вперед всех бежит и жезлом размахивает. Непорядок. Но я бы все равно не зарекалась...

– Я и не зарекаюсь, – он откинулся в кресле. – Сказал же: не знаю. Все, тихо! Начинается.

Черный полог в центре сцены рассыпался серебряной пылью, предъявив собравшимся длинный деревянный стол, за который усаживались члены Верховного Совета. По пестро-голу-

бому халату я легко опознала доктора Сингха, без сожалений выставившего захворавшую делегацию за порог. В изысканном платье появилась леди Девенпорт.

Рыжая, смутно знакомая дама уселась и тут же принялась равнодушно изучать содержимое своих ногтей. Было еще несколько незнакомых мне мужчин в возрасте... И, разумеется, Вяземский. Председатель.

– Начнем, – без предисловий завел речь старый, сухопарый граф, с каждым месяцем все сильнее напоминающий сморщившегося кощея. – На нынешнем слушании решается вопрос о магической опеке над Санкт-Петербургской академией магии, вверенной богиней Судьбой в руки княгини и князя Карповских, здесь присутствующих.

– Не слишком чистые, как выяснилось, руки, – хмыкнула леди Девенпорт и с упреком обвела глазами зал. Словно все здесь присутствующие были виновны в вопиющем недосмотре.

– М-да... Результаты, полученные комиссией, неутешительны, – важно закивал Вяземский, привстав с кресла. – А последние известия и вовсе сокрушили нашу уверенность в том, что Андрей Владимирович имеет право далее исполнять обязанности ректора.

– Что до Анны Николаевны... – холодно продолжила леди. – У нас давно есть сомнения в том, что княгиня обладает достаточными знаниями для управления вверенной ей землей. Столь ценной территорией для всего магического сообщества, что мы никак не можем оставаться равнодушными...

– Протестую, граф! – пискнул кто-то с первого ряда, и я не сразу разглядела фигурку зеленой гоблинши. А когда разглядела, подумала, что лучше бы не разглядывала.

Это наша защита? Все, что выделили отцу?! Вот это смешное зеленое создание с волосяными ножками, упакованное в черное меховое платьице?

– Мисс Кворти-Дафф, обвинение еще не закончило официальную речь, – насмешливо фыркнул доктор Сингх, когти стаи молодых ламбикуров ему в печенку. – У вас еще будет время попротестовать...

– Решения Судьбы не могут быть оспорены людьми, даже Верховным Советом! – продолжала голосить гоблинша. – Если она вверила уникальную территорию чете Карповских, значит, на то воля богини.

– А у вас есть какие-то доказательства, мисс Кворти-Дафф, подтверждающие, что к этому решению приложила божественную руку сама Судьба? – язвительно уточнил граф. – Мы, знаете ли, с некоторых пор начали в этом сомневаться...

Вяземский говорил, и говорил, и говорил... Про нашествие шурхов, про уличный водоем, в котором разрослись водоросли-паразиты, про бракованные ловчие сети и сбежавшую в лес тигрицу... Много всякого, словом, говорил.

И чем дальше он открывал рот, тем сильнее мне хотелось вскочить с кресла, броситься вниз и выдрать этому старику все, что еще осталось на его седой голове!

– Наглый, противный, невыносимый лжец, – шипела негромко, сжимая вовремя подставленную ладонь брата. Смотрела на него растерянно и жаловалась: – Арти, я вот прямо сейчас его убью!

– Тебе не придется пачкать руки, – лицо Демона Младшего потемнело, осунулось. – Сам справлюсь.

– Шурхам плодоядным его скормить! И камнехвостами затоптать! – возмущенно пыхтела, слушая графа вполуха. – А перед этим в гнездо саблехвостов закинуть и... Арт, да как же это так? Почему отец с ним не спорит?

Папа сидел на диване, молча заслушивая обвинения. Холодный, отстраненный. Разве что сжатая челюсть выдавала степень его раздражения. И то, как он пару раз достал платок из кармана и вытер руки. Не удивлюсь, если на пальцах остались следы Темной материи.

– Но перейдем к недавним событиям, – отбился от стен голос Вяземского. – Ранение господина Макферсона... Знаете, кем? Вашей дочерью, князь.

– Правда?

– Были свидетели. Мы наслышаны об агрессии вашего сына, а теперь и юная княжна пустилась во все тяжкие? Что вы на это скажете?

– Спрошу, выдвинул ли господин Макферсон против моей дочери обвинение, – спокойно отреагировал отец.

– Кроме того, у нас есть свидетель, видевший дуэль молодого князя. Ваш сын напал на сержанта Шо из охраны, выданной Эстер-Хазом в поддержку. И если бы господин Макферсон их не разнял...

– Инцидент зафиксирован Главным стражем? – удивленно уточнил папа. – Я не видел его отчета. Но, возможно, сама сержант Шо готова дать показания?

– Сержант Шо отказалась от свидетельств. Однако нам достаточно показаний нашего агента, – сухо отбил Вяземский. – Долго вы собираетесь покрывать деяния детей, князь?

– Член нашей комиссии зафиксировал такой ряд нарушений, что у меня голова идет кругом, – устало добавила леди Девенпорт и обмахнулась рукой. Взяла лист бумаги и зачитала: – *«Княжна Карповская спускается в подземелье и возвращается оттуда со старинной книгой. Княжна Карповская вторгается в закрытый второй подвал и выходит оттуда с древними ингредиентами. Княжна Карповская незаконно проникает в ректорский кабинет и варит запрещенное зелье»*... Мне продолжать?

– Я с интересом послушаю. Не имею привычки шпионить за своими детьми, – холодно улыбнулся отец.

– Мисс Сноуфорд, вам удалось выяснить, что за зелье варила Аврора Андреевна и каковы были последствия? – Вяземский вальяжно обернулся к трибуне, над которой в этот миг засиял голубой шар.

Из темноты выплыло бледненькое личико миловидной девушки-альбиноски. Почти белая, фарфоровая кожа, очень светлые волосы, волнами спадающие до поясницы. Это вообще кто?

– Аврора Андреевна варила запрещенное «Зелье Судьбы», – тихо ответила девица, поморщила нос и чихнула. Шмыгнула, поморгала покрасневшими глазами. – Простите. Аллергия на шерсть.

– Мы вас слушаем.

– Последствия были весьма трагичны. Днем позже княжна Карповская оказалась в больничном отделении, – девушка быстро почесала за ухом. – Магическое забытье длилось больше месяца.

– Спасибо, мисс Сноуфорд. Вы также упомянули в своем докладе, что и сам князь Карповский не брезгует темными, грязными, запрещенными ритуалами на крови... – с видом победителя спросил Вяземский.

Какими еще ритуалами? Да папа давно уж забыл о своем арканском прошлом! Мы бы с Артом в жизни не узнали, что папа в юности входил в Братство, если бы декан Осворт однажды не проболтался за ядреной дедовской настойкой.

– Все так, – смущенно почесала нос девушка. – Я своими глазами видела, как он набирал ингредиенты для поискового ритуала по крови и фамильной ценности.

– И провел его? Прямо в Академии, набитой учениками? – вкрадчиво уточнил кошей, которому до смерти оставались считанные секунды. Судя по пылающему взгляду моего брата. – Оплатил дань кровью?

– И провел, граф, – кивнула незнакомка и залихватски чихнула на весь зал. – Да что ж такое...

– Протестую! – взвизгнула, подпрыгнув на кресле, зеленая гоблинша. – Свидетельства мисс Сноуфорд вызывают сомнения у стороны защиты.

– Отчего же?

– Оттого, что никакой мисс Сноуфорд в Академии в эти дни не значилось. Ни в составе приглашенной комиссии, ни в списках рабочих Заповедника и стражи Эстер-Хаза, ни в числе учеников и преподавателей, – довольно подбоченилась защитница и потрясла в воздухе толстой папкой с бумагами. – Я внимательно все проверила.

– Хмм... Верно, не значилось. Свидетельница – агент Верховного Совета, внедренный в Академию тайно. Госпожа Караваева оказала нам неоценимую услугу, – граф с наслаждением почесал короткую бородку. – Мисс Сноуфорд обладает редчайшим даром метамагии. Присутствующим она знакома под именем «Снежка».

Я тихонько застонала, впиваясь ногтями в руку брата. Он, впрочем, даже не заметил – пытался испепелить взглядом девицу, что все эти месяцы крутилась вокруг него, кокетливо труся своим пышным задом. И вынюхивая секреты!

Эту мерзавку-вертихвостку, вскружившую голову моему полному песцу, я хоть сейчас готова была пустить на ингредиенты!

Бедняга Бойз... Опять не повезло ему с личной жизнью. Кто мог подумать, что пушистая белоснежная саберша – агент драного Совета?

– И что же заставило вас, Андрей Владимирович, рисковать учениками и призывать нестабильную темную магию в сочельник? – издевательски уточнил граф, и я зажала рот ладонью.

Потому что догадалась, наконец, кого искал папа. И для чего проводил запрещенный арканский ритуал.

И от этого знания совсем обидно сделалось. Потому что я шестым чувством, обитающим в самой непоседливой части моего тела, поняла: не станет отец рассказывать ни о похищении, ни о Караваевой под иллюзией, ни о ее дрянной записке. Ни о Блэре, вселившемся в магистра Салливана почти двадцать лет назад, а ныне изгнанном тролль знает куда. И в кого.

Очень хотелось думать, что не в меня. Я ведь заметила бы, верно?

– У меня были личные причины, – сухо ответил папа. – Я не готов ими делиться. Впрочем, граф, если вам интересны подробности: он не сработал.

– Но вы признаете, что ритуал был проведен вами в ректорском кабинете? – прикусила губу леди Девенпорт.

– Признаю, разумеется. Он не способен нанести вред никому.

– Кроме разве что вас, князь Карповский, – склонил голову набок доктор Сингх. – Сама суть ритуалов, черпающих силу из Темной материи и кровавой дани, омерзительна. И потому запрещена Верховным Советом. Странно, что ректор Академии умудрился об этом позабыть.

Я все яснее осознавала, что нет у отца никакой амнезии. Что он намеренно не посвящает Совет в детали происшествия. Одного понять не могла – почему?

Мы обязаны предупредить магическое сообщество о Зле, расчетливом и эгоистичном, что вернулось в наш мир! Что сверкает холодными бирюзовыми глазами из чьей-то плоти (надеюсь, не моей) и замышляет страшные вещи. Эстер-Хаз должен узнать, что недоупокоенный Блэр вернулся.

– Надо им рассказать! Объяснить! – взволнованно протарахтела в ухо брату, и на мое плечо легла рука.

– Не надо. И вам обоим лучше уйти прямо сейчас.

Я резко повернула голову и к своему изумлению не обнаружила на соседнем кресле дородной дамы в золотом шелке. Вместо нее сидел Фридрих и неодобрительно покачивал головой. Попались!

– Мы никуда не уйдем, пока отца не оправдают, – запыхтела гневно в сторону крестного. – Пока не признают, что там, за порогом, разгуливает настоящее Зло во плоти. И если бы в своей! Так нет ведь, в чужой чьей-то!

– Аврора...

– Что?! – возмутилась, подпрыгивая на стуле, и Фридрих с Арти силой усадили меня обратно.

Ну что за люди? Беспредел!

– В сложившейся ситуации правильнее оставить все как есть, – выдал австрийский зануда.

– «Как есть» мне не нравится, – капризно прошептала крестному. – «Как есть» они отберут у нас Академию, если мы не вмешаемся!

– Отберут, – спокойно согласился крестный, и захотелось отрезвить его чем покрепче. – Но ненадолго. Времена предстоят непростые. Однако... в нынешней ситуации довольно трудно определить, Аврора, что есть большее зло. И чему именно надо положить конец.

Фридрих замолчал, утопив профиль Вяземского в своем тяжелом, задумчивом взгляде. Потер подбородок, во время скитаний по Индии заросший до неприличия.

– М-да... Трудно определить, – повторил отрешенно. – Иногда надо очень внимательно присмотреться, чтобы во всем разобраться.

– Но как же Блэр? – изумилась я.

Как могло так случиться, что за пару недель о Великом и Бесштанном попросту забыли?

– Без своей свиты, преданной фанатично, безумно, Августус Блэр – просто маг. Просто дух. Сильный, великий... безусловно, – крестный улыбнулся мне успокаивающе. – Но много ли он сотворит без своей армии? Без полчищ одаренных арканов? Путаясь в чужой, неудобной плоти и незнакомом, непокорном сознании ее владельца? Насколько крепок его дар в остальном мире, бедном на магический фон?

– То есть ты хочешь сказать, что Блэр – не угроза? – прошептала раздраженно, вжимаясь в спинку кресла. – Вот этот гад, что влез в тело мальчика из магприюта и заставлял двадцать лет совершать злодеяния?

– О... угроза, и еще какая, – закивал крестный. – В будущем. И мы с Андреем и Ромулом надеемся его не допустить.

– Надеетесь! – фыркнула недоверчиво.

Надежда – не самое надежное оружие против бестелесных психопатов, жаждущих мести.

– Как я уже сказал, чем меньше людей знает о пробуждении Блэра – тем лучше, – Фридрих похлопал себя по коленям, не отрывая взгляда от происходящего внизу. – Не будем дарить Темному Принцу армию идолопоклонников. Чем меньше у него соратников и помощников, тем меньшую угрозу он из себя представляет. А мы пока... займемся реальным злом. Осязаемым. Тем, что перед глазами.

– Или Зло займется нами, – обреченно промычала под одобрительный гомон толпы. Совет вынес вердикт.

Мое сердце колотилось в ушах, заглушая речь Вяземского. Обрывками доносились его слова. Столь лживые, что на языке ощущалась горечь от услышанного.

– Не знаю, стоит ли зачитывать все обвинения, князь? Здесь о-о-очень длинный список... Этак мы до вечера не разойдемся, – рассмеялся скрипуче председатель Совета. – «*Применение «Темного соединения» к несовершеннолетнему*», «*экспериментальные методы лечения магической неполноценности*»... А уж сколько неправомερных действий в отношении учеников зафиксировано в подконтрольном вам учреждении! Уточните, мисс Сноуфорд, что именно вы наблюдали и где?

– Эмм... Я бы не хотела вдаваться в подробности, граф, – смущенно закашлялась мохнатая шпионка. А ведь с каким удовольствием шурхов уплетала! – Это тайна частной жизни и...

– Вы стали свидетельницей неуставных отношений? – Вяземский перешел на деликатный шепот, и Снежка нервно кивнула. – Впрочем, что меня удивляет? Чета Карповских всегда игнорировала правила магического сообщества. И мало что изменилось за двадцать лет. Верно, княгиня?

– К чему вы клоните? – мама поднялась с дивана, оправила платье и гордо задрала подбородок.

– За день до визита комиссии вы, опасаясь, что мы обратим внимание на неукомплектованный штат, в спешке сделали ряд назначений на должности, – Вяземский вышел из-за стола и подкрадывался к ней все ближе. – Я все удивлялся, откуда на бумагах взялась ректорская печать, если сам Андрей Владимирович находился в командировке...

– Мой супруг вернулся в первых числах сентября и подписал приказы, – дернула плечом мама, но граф покачал головой.

– А вот у меня обратные сведения. Фамильная морфиха леди Девенпорт, что водит давнюю дружбу с вашим Квитариусом, той же ночью призналась хозяйке.

– В чем? – мама недоуменно подняла бровь и скрестила руки на груди. Вытянутая струной, напряженная, готовая к взрыву в любой момент. И как я ее понимала: кровь в моих жилах тоже шипела вулканической лавой.

– Ваш морф навестил ее тем же вечером, когда вы подделывали бумаги, – ележно улыбнулся гад, по которому давно фамильный склеп Вяземских плакал. – Он был, гм, «слишком взбудоражен» и «изрядно словоохотлив и... вообще охотлив». А употребив немножко согревающего зелья, предложенного Тецилией, и вовсе разболтался...

О боги! Я сползла по креслу вниз и закрыла лицо ладонями. Драная «Животная страсть»! Похоже, она не прошла даром для Квита и развязала ему язык.

– Его показания нельзя принимать, – я схватила Кесслера за локоть и беспокойно забормотала в его ухо. – Тем вечером он был одурманен зельем. Моим, экспериментальным.

– Изрядно творческим, я полагаю? – спокойно уточнил Фридрих.

– Очень, очень творческим... Безотказным. Я кое-чего намешала...

– На свой вкус, – договорил крестный, знавший меня слишком хорошо, чтобы можно было что-то утаить от этого зануды.

– Оно бабахнуло, и Квит помог с уборкой. Эффект на морфов... непредсказуемый, – я виновато скривилась, осознавая, что сама, вот этими руками, подарила Совету говорливого свидетеля. – Его потом еще шурхи налопались и раньше времени открыли брачный сезон...

– Информация безумно интересная, Аврора, – сдержанно ответил крестный, подавив смешок. Вероятно, нервный. – Но твоим родителям она не поможет. Хуже того – навредит.

– Да куда уж больше? – вздохнула растерянно, разглядывая прямую мамину спину. Я бы не смогла стоять там, перед этими зарвавшимися магами, так ровно и достойно.

Вяземский, растягивая удовольствие, медленно зачитал решение Верховного Совета. Из которого я поняла только одно: отца снимают с должности ректора и лишают права преподавать.

Дальше уши мои заложило невыносимым гулом – примерно так свистит вихрь воздушного телепорта, в котором меня как-то «катал» Салливан. В голове не осталось мыслей, только гнев.

– Хозяйка Санкт-Петербургской академии магии – я, – мамин голос резко вырвал меня из кипящей ярости. – И только я решаю, кто будет в ней ректором, а кто – преподавателем. И земля, и усадьба Воронцовых – частная собственность. Если вы не расслышали, граф Вяземский, я повторю: *это мой дом*.

– Ваша информация устарела, моя драгоценная Анна Николаевна. Как вы могли узнать из «Трибьюн», на прошлой неделе вступил в силу Закон об опеке магического наследия, – вещал откуда-то издалека шурхов кощей. – Вы ведь читаете «Трибьюн», княгиня?

Леди Девенпорт приподнялась со стула и приосанилась.

– Академия магии, набитая учениками, – это не просто «дом». Территория с самым крепким магическим фоном в мире – это не просто «земля». Заповедник, сохранивший редкие формы волшебной жизни, – не просто «частная собственность», – желчно объявила женщина, по самые уши замотанная в шелк неприятного горчичного оттенка.

– Верховный Совет не может, не имеет права оставаться равнодушным после всех показаний мисс Сноуфорд, – поддержал ее речь Вяземский. – По закону о магическом наследии мы принимаем Академию с прилегающей к ней территорией под свою опеку.

– Вы окончательно спятили тут все? – с маминого лица сползло «отстраненное выражение, исполненное достоинства истинной леди». Кажется, она собиралась плюнуть в физиономию пожилому графу.

Впрочем, судя по папеньке, это была меньшая неприятность из всех, что грозили Вяземскому в обществе моих родителей.

– Мы не выгоняем вас из «дома», княгиня, – старик вальяжно прошелся по «сцене» и вернулся за стол, подальше от опасно мрачнющей четы Карповских. – Мы с уважением относимся ко всему, что вы делаете. Заверяю, никто из утвержденных ранее преподавателей не лишится своей работы. Никто из учеников не потеряет место. Однако... Вы не справляетесь, Анна Николаевна. Это видно невооруженным глазом.

– С этого дня мы возвращаем все функции Большого Совета при Академии. Все дальнейшие ваши решения должны согласовываться с ним, – надменно зачитала бумажку леди Девенпорт, чтоб морфиха ее саму согревающим зельем опоила. – Опекуном Санкт-Петербургской Академии магии и принадлежащей ей территории назначается граф Михаил Вяземский. Новым ректором единогласно избран Антон Бехтерев.

– Раз уважаемый князь Карповский лишен права преподавать, похоже, свой первый рабочий день господин Бехтерев начнет с нового назначения, – развел руками доктор Сингх. – Могу лишь заверить ректора, что магистрам Индийского университета нет равных в «Снадобьях и травах». Как и в прочих науках...

Я гневно засопела в кулак. То ни одного подранного троллем профессора не найти на замену, то целый университет готов пожаловать к нам в гости. Ох, не к добру эти все заискивания и улыбки.

– Боюсь разочаровать, но вчера я уже позволил себе сделать ряд назначений, доктор Сингх, – сухо «обрадовал» того папенька. – Поэтому в услугах ваших магистров Академия не нуждается. Штат полностью укомплектован вплоть до возможных замен. Полагаю, мы с супругой можем идти? У нас на полдень арендован портал в Бретан-Глоу.

– Бретан-Глоу? – опешил Вяземский, ожидавший, видно, более бурной реакции. – Сегодня, сейчас?

– Знаю, не сезон, но... Первый отпуск за двадцать лет, как-никак, – пояснил папенька издевательским тоном, накинул на мамыны плечи свой черный пиджак и, не слушая более ничьих речей, вывел ее из зала.

Глава 5. О логове тролля и важных мелочах

– Ава! Проспишь! – взволнованный голос Джил сопровождал настойчивые потряхивания моего несчастного тела.

– Я не пойду завтракать, – промычала в подушку, не открывая глаз.

Не то чтобы это была какая-то акция протеста. Просто в последние дни совсем аппетита не было. А даже если он вдруг появлялся, тот тут же исчезал, стоило заметить в трапезном зале фигуру Бехтерева, вальяжно занимавшую ректорское место.

Родители отправились в Бретан-Глоу до конца каникул. Отец коротко объяснил Арту, что маме нужен отдых, и мы с ним согласились, пообещав «прикрывать тылы». Я взяла на себя заповедную зону и теплицы, Арт организовывал охрану, пока господин Макферсон приходил в себя.

Джил вызвалась помочь своим родителям на фермерских плантациях: даже среди зимы они обеспечивали наших животных свежим кормом. Софи отправилась с деканом Освортом в Китай на короткий семинар, посвященный самоконтролю магов-полукровок. Эйр изредка строчил мне теле-маго-граммы из Эстер-Хазской лечебницы...

Словом, ловить в трапезном зале мне было нечего. И некого. Так что я начала истончаться и грозила вскоре стать такой же прозрачной, как бездельник Родж.

Лондонский тролль в Академии тоже не появлялся. Но из папиного заявления в зале магтрибунала я поняла, что он остается преподавать. А значит, рано или поздно нам придется столкнуться нос к носу. И я не планировала отворачиваться и делать вид, что мы незнакомы.

Зато еще до возвращения учеников с длинных зимних каникул к нам пожаловал Вяземский со свитой равнодушных. Под видом очистки порозовевшего уличного озера от паразитов они закрыли кусок территории защитным куполом. Вход внутрь запретили всем, кроме рабочих и членов Большого Совета.

Мы с Артом целыми днями прохаживались вдоль теплиц, косо поглядывая на шатер без окон и дверей, нахально сверкающий в бледных лучах зимнего солнца. Что этот старый кощей-«опекун» задумал?

– Поднимайся, Ав, – смущенно пробормотала Софи с другой стороны меня. – Какой уж там завтрак. Занятие через пятнадцать минут...

Занятие? Разве эти глупые, скучные, серые каникулы не бесконечны?

– Какое? – прохрипела, облизывая пересохшие губы.

В горле щекотно першило, словно я перед сном съела мамино ламбикура. Вместе с перьями.

– Первым идет сдвоенное «Противостояние» с магистром Салливаном, потом «Контроль именного жезла» и «Древние чары». В конце «Волшебные травы» в пятой теплице – их передали дриаде. И «Снадобья» с госпожой Пруэтт.

– Травы и зелья разделили, – пояснила Софи. – Ну... ты знаешь, почему. Временно, конечно.

– Угу. Временно, – повторила, безуспешно пытаясь вспомнить какое-нибудь изощренное ругательство из арсенала демонов и троллей.

Я поднялась в постели, поправила черную воронку на голове, в которой можно было поселить семейство ламбикуров. С опаской покосилась в зеркало и тут же отвела взгляд. Пятнадцать минут до занятия? Тролль меня укуси!

Ладно, Салливан имел счастье наблюдать меня и в худшем виде. Даст Судьба, не сбежит в первый же учебный день из Академии.

В зал для магической практики входила настороженно. У меня не было возможности разобраться с новым даром, который еще не факт, что раскрылся. Я не рискнула признаться в нем Арту и Фридриху, и теперь беспокоилась.

Вдруг я прямо посреди занятия что-то внушу Салливану, и он вместо учебной атаки набросится на меня с поцелуями? Вот неловко-то будет! И для репутации тролля – сомнительный бонус. Опять ворчать будет, что на голову ему свалилась и к поцелуям принудила!

А я, между тем, за все каникулы ничего не взорвала и никому экспериментально-творческой эпиляции не устроила. Сокровище, как есть, сокровище! Приз в судьбоносной лотерее. Куда только счастливый обладатель спрятался?

– Входите, мисс Карпова, не стойте в проходе, – неприятно удивил до тошноты знакомый голос Бехтерева. Который, видно, кабинеты с непривычки перепутал. – Удручает, что вы с подругами так безответственно отнеслись к расписанию. И опоздали на мое занятие на целых две минуты.

Джил взволнованно глянула на часы и тихонько выругалась. Никогда за ней таких слов не замечала. Похоже, чистый морозный воздух фермерских плантаций пошел леди Кавендиш на пользу.

– Но, так и быть, на первый раз обойдемся без трудовых наказаний, – скользкий гад почесал жезлом свой орлиный нос. – Если все трое немедленно принесут извинения.

– Простите за опоздание, сэр, – нехотя прошептала Софи.

– Мы спутали расписание, – косясь в окно, холодно пояснила Джил.

– Карпова, вас ждем, – Бехтерев нетерпеливо постучал по пустому запястью, намекая, что «часики тикают».

– Я не буду приносить вам извинения, сэр, – пробормотала с неприязнью.

Отчего-то вспомнилось, как он среди ночи бродил по коридорам, что-то вынюхивая. И как в озеро гадость подсыпал. И как на приветственном балу меня за руку схватил, пытаясь принудить к танцу...

Павлин. Как есть павлин. Самодовольный, противный и сейчас упивающийся незаслуженной властью. Где мой шурхов тролль со своими бесконечными занудными нотациями?!

– Думаете, вас, княжна Карповская, наказание обойдет стороной? – он подмигнул, и к горлу подступила горькая желчь. Надо было все же позавтракать.

Микаэлла стояла прямо за его спиной и, не стесняясь, перешептывалась с Анджелой Девенпорт. Весь ее сияющий довольством вид так и кричал: «Что, Карпова, теперь мой папа ректор?».

– Не думаю, сэр. Наказывайте, – кивнула, торопливо входя в зал и занимая привычное место у стены рядом с Эрикой. – Но я опоздала не на ваше занятие. «Противостояние» ведет магистр Салливан. Ему меня и...

«Шлепать».

– Сегодня занятие веду я, – Бехтерев потер пальцем сальные губы и неприятно скривился. – А что будет завтра, мисс Карпова, одной Судьбе известно... Так что жду вас вечером, дорогуша. Посмотрим, какую работу я смогу вам поручить.

Сердце заколотилось в виски. Он не пришел! Салливан закопался по уши в своих откормленных тролльих тараканах, проигнорировал начало учебы и попросту не явился в Академию!

Может, и вовсе забыл, что он где-то преподавателем числится. А тут без него, между прочим, несправедливо обвиненные ученики страдают.

Или и впрямь Ублиум Мортиса переел, не рассчитав дозу? Так, выходит, его срочно лечить надо. Всеми подручными методами...

По коридору, расцвеченному световыми шарами, я продвигалась неохотно. Впервые за дверь ректорского кабинета меня ждало что-то незнакомое. И крайне неприятное.

Папа, конечно, тоже не скупился на трудовые наказания. И зеленой слизью, расползающейся во все стороны, меня давно не напугать. Но чутье, обитающее в лучшей половине меня, подсказывало, что Бехтерев придумает что-то эксклюзивное. И это «что-то» мне не понравится.

– Явилась? Славно, славно, – пробормотал отец Микаэлле, разыскивая что-то в куче документов.

Действительно, куче. Приличной такой горе! Бехтерев нашел нужное письмо в основании бумажной Джомолунгмы и резко выдернул его, повалив всю хлипкую конструкцию на флакон с чернилами. Вандал!

Ректорский стол был хаотично завален бумагами, часть теле-маго-грамм была скомкана, что-то валялось на полу... Отца бы удар хватил, увидь он это безобразие.

– Почему магистр Салливан не ведет свою дисциплину? – с порога спросила у человека, которому в этом кабинете было не место.

– Без понятия. И мне неинтересно, дорогуша, – отмахнулся Бехтерев. – Салливан не явился ни на утреннюю планерку, ни на занятие. Еще пара таких прогулов без предупреждения, и я буду иметь официальную причину расторгнуть контракт.

– И что тогда? Вернете Хумбла? – я встала у стола, не рискуя присаживаться на стул для посетителей. Надеюсь получить задание и поскорее убраться отсюда.

– Я сам в состоянии вести «Магическое противостояние», – он поднял на меня колкие светло-серые, почти бесцветные глаза. – И охотно попробую себя в роли преподавателя.

Вот только этого нам всем для полного счастья и не хватало!

– Знаешь, милая... Когда-то очень давно твой папаша с позором выгнал меня из кабинета за глупую шутку, – почесывая подбородок, вспомнил мужчина. В молодости он был, вероятно, красив и кружил девушкам головы, но за годы слегка поистерпался. – А чуть позже меня вовсе исключили из Академии. Представь себе, за дуэль! Обычную ученическую дуэль, которыми, кстати, твой брат, исходя из доклада Снежки, тоже промышляет. За теми же теплицами. Но ему, видишь ли, можно...

– Мой брат всегда дерется честно, – нахмурилась, оценивая свои шансы уйти быстрее. Они таяли с каждой минутой «сентиментальных воспоминаний».

– Честность красит только девиц на выданье, – фыркнул «ректор». Его неприятно холодные глаза осветились мстительными искрами. – И вот как любопытно повернулась Судьба: теперь я выгнал профессора Карпова из кабинета. Сажу за его столом, разбираю его бумаги... А тут тролль ногу сломит, дорогуша!

– Я пришла на отработку, сэр, – напомнила черноволосому упырю, кривясь от его нарочитой фамильярности. А еще ректором назвался.

– Как твое самочувствие, принцесса? – он встал из-за стола и подошел ближе. – Не слишком устала сегодня?

– Озвучьте наказание, и я приступлю. Я спешу, – я неприязненно отстранилась от самодовольного индюка.

У меня на остаток вечера были очень большие планы! По спасению троллей от нашествия тараканов. Правда, я еще не решила, с чего начать. И всячески себя одергивала, напоминая, что Салливан просил насильно ему добро не причинять и в спасении его не участвовать.

Но это было до того, как Рандор не явился на занятия. И над всеми нами не нависла угроза мерзкого Бехтерева, самоутверждающегося за счет слабых учеников.

– Составь мне компанию, – он обернулся к столу и ленивым движением смахнул на пол все важные бумаги.

Слова возмущения застряли в горле. Дриада Марта на днях сказала, что Монстроглаз выглядит перекормленным... Но как по мне, его пока рано сажать на диету.

– В чем, сэр? – я гневно засопела, глядя, как он нагло присаживается на ректорский стол.

– В том, в сем... Можем, к примеру, поужинать, – этот граф недоразвитый подмигнул, и мой правый глаз нервно задергался. – Мне, Карповская, довольно одиноко в этой вашей Академии. Подчиненные говорят сквозь зубы, ученики обходят стороной. Давай пообщаемся, и ты поймешь, что я тебе не враг...

Мама как-то обмолвилась при мне, что Бехтерев – это «грязная карта». И теперь я, кажется, поняла, что она имела в виду. Неприятный, скользкий холодок прошелся по пояснице.

Я закусила губу, формулируя наименее дерзкий вариант отказа. Джил заклинала меня не бросаться на нового ректора раньше времени. А тут, как назло, вспомнились все ругательства и из арсенала троллей, и фирменные демонические.

– Назначьте. Отработку, – сквозь зубы потребовала у гада. – Могу бумаги собрать, стол расчистить, могу...

«Физиономию вашу холеную начистить».

– Брось, принцесса. Разве похож я на любителя чистоты? – подмигнул «ректор», делая шаг ко мне, и я машинально схватилась за жезл в кармане. – Ух ты... А у тебя глаза даже больше, чем у матери.

Дверь кабинета распахнулась, и внутрь влетела черная туча. Судя по грозному сопению, грозовая.

– Вас не звали, – скривился Бехтерев, скосив глаза на посетителя.

– Сам пришел, – фыркнул Арт, схватил меня за локоток и переместил за свою спину. – Моя сестра магически несовершеннолетняя. И нуждается в сопровождении в столь поздний час.

Брат, видимо, вспомнил сказку, что мы придумали в Эстер-Хазе. Я скривилась: надеюсь, он это не всерьез про сопровождение. Мало мне пернатого, мохнатого и бестелесного приглядывателей!

– В уборную вы ее тоже провозжаете? Насколько я знаю, ваша сестра у себя дома, – ухмыльнулся Бехтерев сально.

– Да. А вот вы – в гостях, – напомнил хмуро брат и плотно сжал челюсть. – Сформулируйте трудовое наказание и сообщите письменно... гхм... «господин ректор».

Не дожидаясь ответа, Арти вытолкал меня за дверь.

– Я вполне могла... за себя... сама... – сопела, шурша подолом юбки по белому мрамору.

– Угу... Могла, могла...

– Откуда ты вообще?..

– Джил сообщила. Она волновалась, что ты сорвешься и захочешь прикопать нашего новенького ректора раньше срока. Не то чтобы я был против... Но придется оправдываться перед Советом, – он свел густые черные брови к переносице. И добавил: – И мы обещали отцу.

– «Ничего не взорвать и никого не пустить на удобрения до их возвращения», – повторила занудным голосом. – Да не собиралась я никого прикапывать!

– Я уже понял, обезьянка. Теперь собираюсь я, – дернул плечами Арт, недвусмысленно косясь на дверь папиного кабинета. – Он успел распустить грязные лапы?

– Да кто бы позволил этому упырю? – оскорбленно воскликнула.

– Ах да, точно... Обезьянке по вкусу тролли, – язвительно поддел меня братец, проталкивая дальше по коридору. И избавляя себя от соблазна начистить Бехтереву все, до чего рука дотянется.

«Обезьянке» действительно по вкусу были тролли. В этом Арт не ошибся, а я... Я давно уж призналась себе, что вляпалась в шурхового магистра по самые кончики ушей. И мне было откровенно наплевать, капли в том виноваты, магия или еще какой незарегистрированный паразит.

Такое со мной приключилось впервые. То первое теплое чувство к Брендану ни в какое сравнение не шло с пожаром, полыхавшим внутри теперь. И он, этот пожар, пусть и обжигающий порой до боли, был мне важен. Ценен.

Поэтому час спустя, когда мерзкий Бехтерев изволил покинуть папин кабинет, я в него вернулась. И, покопавшись в пугающей куче бумаг, выудила оттуда досье Салливана.

Ничего нового я узнать не надеялась, кроме разве что лондонского адреса. Все-таки память у меня не фотографическая, а перемещались мы в тот раз не порогами. Да и не факт, что его дверь вообще зачарована и входит в сеть телепортов.

Переписав название улицы и номер дома себе прямо на ладонь, я вернула папку на место, накинула плащик и вышла из Академии. Искренне надеюсь, что в этот раз никто из равнодушных не решит меня сопровождать.

В Лондоне моросил дождь, размазывая уличную пыль по утопающему в вечерней темноте асфальту. Пока он был небольшим, но, судя по раскатам грома вдалеке, грозился перерасти в нешуточный ливень.

Я отлепилась от порога бабушкиного ателье и торопливо пошла вдоль набережной. Из окна троллей квартиры открывался похожий вид, а значит, его дом максимум в нескольких кварталах.

Не факт, конечно, что Салливан здесь. И, наверное, мне стоило послать Квита с письмом, а не являться самолично за пару часов до полуночи... Меня ведь не приглашали. Могут и не впустить.

И стоило подумать об этом раньше. До того, как я дошла до нужной улицы и остановилась через дорогу напротив дома под номером «29».

Дождь к тому моменту припустил, и я не сразу разобрала за стеной крупных капель женскую фигурку на той стороне. Огненные волосы выглядывали из мокнущего капюшона, не оставляя сомнений в личности девушки, стучавшей в дверь.

Меня и впрямь не приглашали. Хуже того – пригласили не меня.

Я отошла от фонаря и нырнула в темноту, продолжая наблюдать за попытками Эвер Валенвайд достучаться до магистра. Наконец дверь распахнулась, заливая бледным светом клочок темной улицы. И девушка, после недолгой паузы, сняла капюшон, отряхнулась от капель и вошла внутрь.

Меня же продолжал заливать холодный английский дождь. И не было никаких сил достать жезл и прочесть простейшее заклятье, отталкивающее капли.

Сколько я так простояла – три минуты или тридцать – растерянно пялясь на закрытую дверь троллея логова, впитавшего леди-полукровку? Надо было заставить себя уйти. Видит Судьба, завтра опять расчихаюсь и Мари подсунет мне фальшиво поющий термос с отвратным тонизирующим зельем. И это будет не самая моя большая проблема. Потому как если Рандор уже во всем разобрался, а меня поставить в известность забыл...

Распахнулась дверь, и леди Валенвайд вышла на порог. Сказала пару слов силуэту в глубине и, взмахнув плащом, взмыла ввысь. Растворилась в черноте неба, слившись с дождем в единое целое.

Сердце пропустило несколько ударов. А глаза безотрывно следили за дверью, которая отчего-то не закрывалась. Дождь хлестал прямо в коридор троллей квартиры, рассыпаясь каплями по полу. Но хозяину было будто бы все равно.

Шмыгнув носом – только бы не разболеться! – я перешла через дорогу. Эта призывно открытая дверь нервировала. Делала вид, что меня приглашают. И я не могла игнорировать вымышленный зов.

Чувствуя себя мокрой курицей (и выглядя, видит тролль, так же), я вошла в дом. Единственной слабой лампы в прихожей не хватало, чтобы осветить все пространство. Черный силуэт Салливана прятался в тени гостиной, позвякивая стеклом бокалов.

– Дверь, – сипло бросил тролль из темноты.

Я взялась за мокрую ручку и отрезала нас от шумящей дождем улицы. Стало так тихо, что даже странно.

Не дожидаясь, пока он скажет «плащ» и «обувь», я разделась и разулась. И прошла в сухую теплую гостиную.

– Привет, – прочистив горло, прохрипела, с интересом рассматривая тролля, опирающегося на барный шкаф. Судьба свидетель, если бы не опирался, давно бы упал, судя по его состоянию.

– Привет, – севшим голосом ответил Рандор.

От магистра даже с такого расстояния разило... троллем. Настоящим. Изрядно употребившим и давно не спавшим.

– У вас сегодня день открытых дверей? – я кисло улыбнулась, пытаюсь привести волосы в порядок. Но куда уж там.

Впрочем, я точно выглядела не хуже Салливана.

– М-да. Хоть я никого и не приглашал, – как истинный тролль, он был немногословен и скуп на эмоции. – И чем обязан, княжна?

Искорки, взметнувшиеся со дна серых глаз при виде меня, давали надежду, что не так уж сильно он мне не рад.

– Вы не явились на занятие, – я сделала пару шагов к нему. Но, хорошенько подумав и осмыслив свои ощущения, отступила обратно. – Так что я явилась к вам.

– Логично, – саркастично выдал тролль-тугодум, отхлебывая из стакана. И всем видом намекая, что чего-чего, а логики в моих действиях он пока не нашел.

– Вы должны вернуться!

– Я не планировал исчезать.

– Не планировали? – я растерянно покачалась на босых пятках.

– Н-нет, – промычал Салливан в стекло стакана и вяло почесал затылок. Поднял на меня уставшие серые и местами красные глаза. – Я взял отгул. О чем уведомил ректора теле-магограммой.

– Что ж, полагаю, «ректор» ее не получил. Или скомкал, не читая, – я раздраженно всплеснула рукой. – У этого упыря весь стол бумагами завален! Был. А теперь вот пол.

– Карпова... у меня выходной, – он наморщил лоб и потер недельную щетину. – Законный. Тролль дери, имею я право...

– «Разобраться в себе»? – фыркнула, окидывая понимающим взглядом барный шкаф.

– И это тоже, – кивнул магистр. – Завтра я вернусь к занятиям.

– Даете слово?

– Как нам с вами обоим известно, я не всегда их держу, – Салливан постучал пальцем по подбородку и опустил взгляд в стакан. – Пока эта должность моя, я буду преподавать. И вам, княжна, лучше быть готовой к занятиям. Поблажек я никому давать не планирую, даже... Никому, в общем.

– Из нас двоих к завтрашнему занятию больше не готовы вы.

Я все-таки сделала шаг вперед и принялась с интересом рассматривать Салливана. Он выглядел как-то... непривычно. Уютно даже. Тонкий кашемировый джемпер молочного оттенка был натянут на голое тело. И джинсы ему необычно шли.

Но вот запах...

– Что, птичка? – хмыкнул Рандор понимающе и опасно качнулся. – Теперь я пахну не морем и ветром?

– Скорее, нетрезвым троллем в жаркий полдень.

– Это временное... недоразумение. Но если так неприятно, вы можете уйти в любой момент.

- Разумеется, могу, – согласилась с ним и подозрительно прищурилась. – Гоните?
- Нет, – он медленно покачал головой.
- Тогда идите сюда.
- Зачем? – настороженно уточнил магистр, едва я закатала рукава и двинулась на него.
- Будем исправлять «недоразумение».
- Карпова... – он вжался спиной в шкаф, и тот обиженно скрипнул. – Мы ведь договаривались насчет спасения... и прочего...
- А я не вас спасаю, магистр. А себя, – затараторила, хватая его за руку, и упрямо потянула в сторону ванной. Но он не потянулся. Троль! – Я не переживу еще одного занятия с господином Бехтеревым.
- Все так плохо? – серые глаза ожили, требуя информацию.
- Пока вы тут «в себе разбираетесь» и тараканов чем покрепче травите, этот скользкий хмырь мне спокойной жизни не даст, – обреченно вздохнула. – С вами рядом мне тоже, конечно, до спокойствия далеко... Но лучше так, чем прогулки по вечерам в ректорский кабинет. Нет, вы не подумайте, я не против нормальных трудовых наказаний! Когда за дело и в рамках приличий. Но...
- Стоп! Так, Карпова... – он перехватил мое запястье и потянул в противоположную от нашего движения сторону. Зубы заговаривал, лишь бы в ванную не ходить.
- Ум? – я подняла на него глаза.
- Чего от вас хотел новый ректор?
- Моей «компании», – фыркнула неприязненно и передернула плечами. – Не берите в голову. И... давайте уже ее помоем, мм? Запах, право слово, и камнехвоста до обморока...
- Аврора! – звучный рык ворвался в уши.
- Очень грозный ароматный троль. Почти страшно... но нет.
- Что? – нетерпеливо уточнила, разворачивая его спиной ко входу в ванную.
- Милли всегда говорила, что к каждой магической твари нужен свой подход. И крупных проще заталкивать, чем затягивать.
- Какой еще компании? – нахмурился он.
- «В том, в сем», – передразнила омерзительного павлина. – Начиная с ужина и заканчивая... троль знает чем.
- Он к тебе притронулся?
- Да что вы с Артом заладили? Сговорились, что ли? – возмутилась в который раз за вечер. – Я по-вашему совсем за себя постоять не могу?
- Можешь, можешь... – закивал успокаивающе этот троль. Но напряжение с его лица никуда не ушло.
- Если бы брат не вломился в кабинет, я бы и сама справилась, не сомневайтесь, – на всякий случай заверила магистра, одной Судьбе известно, что себе вообразившего. – Но в Академию вам вернуться надо. Нельзя, чтобы грязный упырь и дальше вел «Противостояние». Вдруг он завтра позовет на отработку Эрику или Софи? У них братьев нет! Да и у Джил еще маленькие, хоть грохота, как от больших.
- Втолкнув мужчину в проем, я схватилась за нижний край его джемпера и резко потянула вверх. Рандор от неожиданности так опешил, что не оказал никакого сопротивления. И даже руки послушно поднял. Опомился, лишь когда я не удержалась и провела пальцами по мягким темным волоскам.
- Карпова... Что вы задумали?
- Пора устроить головомойку вашим тараканам, магистр Салливан.

Глава 6. О колыбельной лондонских дождей

Рандор воспринял мою идею без особого энтузиазма. Это было понятно и по угрожающе зыркающим глазам, и по напряженно сжатой челюсти. И по тому, как он аккуратно, но требовательно отлепил мою ладошку от своей груди и отвел в сторону.

Ой, да не больно-то хотелось!

Точнее, хотелось, конечно. Но сначала – банные процедуры. Я и лавасилиска помою, если придется. С шатающимся троллем точно справлюсь.

– Карпова, вы рискуете нарваться...

– Боюсь, отшлепать вы меня сейчас не в состоянии, магистр, – я криво ухмыльнулась и положила руки ему на живот. Заталкивать так заталкивать.

– Я ведь и потом припомнить могу...

– Потом вы мне еще «спасибо» скажете, – пробормотала на выдохе, прилагая еще больше усилий.

На благодарность я, впрочем, не особо рассчитывала. Опыт общения со шмырлами и крысоловами подсказывал, что чем больше ты для других стараешься, тем меньше они это замечают. А некоторые мохнатые вредины еще и огрызаются!

– При всей вашей кажущейся хрупкости... и миниатюрности... вы обескураживающе... – ворчал тролль, пока я заталкивала его спиной в ванную, упираясь обеими ладонями в твердый живот.

Чувство, что огромный булыжник в горку катишь! И в любой момент он может сорваться в обратную сторону и придавить тебя своим весом, распластав лепешкой по полу.

– Вы стихийное бедствие, Карпова! – с видом мученика выдохнул тролль и пошатнулся в мою сторону. Опасно. Еще один такой выдох – и я сама слягу тут рядышком в хмельном обмороке.

Мы наконец добрались до ванны. Той самой, в которую меня выворачивало. Знакомый кафель вернул неприятные, неловкие воспоминания. Есть в жизни моменты, когда не хочется, чтобы важный тебе человек был рядом и становился их свидетелем.

Возможно, у Салливана сейчас как раз был один из таких. Но... я уже пришла.

– Вас лучше затолкать туда целиком, – задумчиво пробормотала, нацеливаясь пальцами на его брюки. Ухватила за ремень и резко потянула. Эффект неожиданности обычно хорошо срабатывает.

– Спятила? – тролль отшатнулся.

– Хотите мочить одежду – мочите. Вам ее и сушить, – закатила глаза и крутанула вентиль.

В ванну хлынула вода. – Сами залезете, или мне вас опять толкать?

Я вытерла со лба испарину и с надеждой покосилась на мужчину. Должен же он осознать, что ему это пойдет на пользу?

Но непроницаемая физиономия намекала, что не должен. И толкать снова придется.

Когда Арт говорил, что я во всем ищу романтику, он явно не знал, в каких сомнительных ситуациях я ее обычно нахожу.

Строго сдвинув брови, я ухватила тролля за шею и нагнула под хлещущую струю.

– Холодная... – проворчал Салливан, отплевываясь.

– А вы на тепленькую рассчитывали? – изумилась искренне. – Завтра вы должны прийти на занятие совершенно здоровым!

– Я и так собирался на него прийти, – возмущенно бурчал Рандор, позволяя, впрочем, мылить его шею и волосы. – Тролль дери, у меня выходной! Первый в драной жизни. Первый за... одной Судьбе ведомо за сколько лет. Имею я право...

– Нахрюкаться как горный тролль? Имеете, имеете, – кивала, распределяя мыльную пену по оголенным участкам тела. Он не сопротивлялся. Присмирел даже. – Да, признаю, вам не повезло. По вашу душу явилась я. Ну и тело, да...

На бортике ванной обнаружила мочалку и решила, что с ней дело пойдет быстрее. Судя по запаху, Салливан принимал «зелье» не только внутрь, но и наружно. На мой взгляд, очень сомнительный вариант обливаний.

– Шмырлы тоже пытаются прятаться, когда я прихожу их купать, – призналась, втирая шампунь в непривычно короткие волосы нудного лондонского тролля. – А крысолов один раз даже сбросил лишний хвост, когда я за него схватила. Представляете, до чего странная защитная реакция?

– Я уже готов отбросить что угодно, Карпова, чтобы вы только отстали, – пробурчал Салливан, послушно подставляя другую сторону головы.

– Отбросите, непременно, отбросите, если будете столько пить. Вы все же не настоящий тролль, и это вот, – я покосилась в гостиную, заставленную стеклотарой, – явно выше вашей нормы.

Выключила воду и позволила мужчине выбраться из-под крана. Он уселся на пол, медленно выдохнул и посмотрел на меня... так странно, что я даже не нашлась, как это интерпретировать. По его телу бегали мурашки, Салливан дрожал.

– Сидите смирно и дайте мне вас вытереть, – я рванула полотенце с крючка и уселась рядом.

– Вы невыносимы, Карпова... и смерти подобны. Как шурхово цунами... – прошептал, разглядывая меня, словно впервые видел.

– Вам лучше?

– Хуже, – прохрипел еле слышно. – Княжна... Вы еще маленькая и не в курсе, но когда люди... кхм... употребляют крепкие «зелья»... они хотят ненадолго потерять связь с тяжелой реальностью. Ясно? А вы сейчас... чертовски реальны. И неотвратимы. Как хвост камнехвоста, бьющий по лицу.

– Маленькая?! – возмутилась я, вытирая капли с его шеи. И задумалась о хвостах. Тех, что бьют по лицу.

Отрезвляет, наверное. Не то чтобы мне очень хотелось драться. Я бы предпочла забраться к нему на колени и заснуть – вымоталась, как сопливый хеккар, целый день таскавший повозку в Эстер-Хазе. Но если это поможет, я готова.

Выталкивать из ванной тролля не пришлось. Сам доплелся до шкафа, выудил оттуда серую футболку с длинным рукавом и, ворча какую-то чушь про «его кармическое наказание», натянул на тело.

Я вытерла лужи на полу и тоже вышла в гостиную. Теперь, когда магистр был относительно спасен и даже пообещал явиться завтра на занятие, мое присутствие здесь объяснять стало труднее.

– Что это? – я ткнула пальцем в миниатюрную вазочку на каминной полке, просто чтобы не молчать.

– Сам не знаю. Понравилась, – пошатываясь, он добрался до кухни и звякнул туркой. Помещение наполнилось запахами кофе.

– Это ваза, – пояснила троллю-неандертальцу, настигая его в новой локации. – Такие обычно заводят вместе с женщиной в доме, чтобы она ставила внутрь цветы и создавала уют. Хотя у вас тут, видит богиня, тесновато.

– Уж как есть. Другого предложить не могу, – буркнула тролля спина.

Я прикусила губу. Стыдно. Избаловалась бесконечными просторами усадьбы Воронцовых и имения Карповских, которые и за сутки не обойдешь.

– Впрочем, сомневаюсь, что тут заведется женщина, – я поморщила нос, пытаюсь избежать навязчивого кофейного аромата. – Вы с таким успехом их выставляете за порог...

– Эвер не планировала оставаться, – он обернулся и глянул на меня с укором. Словно заметил в моем голосе слабо прикрытую ревность и счел ее верхом глупости. – А вас я вроде бы не гнал. Хотя, видит Судьба, княжна, Академию вам лучше не покидать. Где-то разгуливает Блэр и...

– Блэр последний, кто сейчас меня волнует.

Я по-хозяйски порылась в подвесном шкафу и нашла там чайную заварку. Понюхала. Поморщилась. Это сколько же ей лет?

– Вы сообщили отцу о своем втором даре?

– Не до того было, – отмахнулась и поставила обратно столетнюю древность. Похоже, дух Блэра предпочитал окружать себя столь же ветхими вещами, как он сам. – У нас, знаете ли, отбирали Академию...

– Ректор был здесь за день до слушания. Мы общались.

– О чем? – я нервно обернулась на Салливана.

Что от него хотел отец?

– О том, что мое появление на слушании магтрибунала нежелательно и мои показания принесут больше вреда, чем пользы, – Рандор повел плечом, словно ему было неприятно это решение, но он с ним смирился. – У вашего отца свой план, и я не нашел аргументов, чтобы его оспорить.

– Прекрасно! – я раздраженно всплеснула руками. – У всех свой план, а меня ни во что не посвящают!

– Потому что вы еще маленькая для взрослых игр, птичка.

Он разлил кофе в две чашки и одну подсунул ко мне. Я никогда не была поклонницей бодрящего напитка, но, похоже, ничего другого тут не имелось. Чувствовалось отсутствие женской руки в холостяцком логове тролля. Но сейчас это меня радовало.

– Сами вы... только вылупившийся! – я сердито засопела. – И вообще... раньше вам не мешало...

– Не мешало.

– А теперь мешает?

– Мешает не это, – уклончиво ответил он и устало потер лицо. – Прекращайте пыхтеть, княжна, пейте и возвращайтесь домой. Вам не стоит далеко уходить из Академии.

– Что, «попаду в большую беду, из которой вы, видит тролль, не станете меня вытаскивать»? – догадалась с обидой.

– Стану, конечно. Но лучше не попадайте.

– Вам надо поесть, – решительно заявила, не готовая пока возвращаться в Академию.

Мы черт знает сколько не виделись. Я, представьте себе, соскучилась!

– Как печально, что княжна Карповская, первая этого имени, совершенно не умеет готовить, – он криво ухмыльнулся.

– Попробую. Вдруг получится?

– Творческий эксперимент? Я и без того еле жив, Аврора.

– Со мной у вас гораздо больше шансов выжить, чем без меня, – пригрозила пальцем и открыла холодильник. И ничего там не обнаружила.

Вот ведь тролль... и с чем экспериментировать? Он словно знал, что рано или поздно я сюда заявлюсь, и заранее спрятал от меня все опасные предметы!

– Вот, кстати. Нашла в больничном под одной из кушеток.

Я выудила из кармана деревянную фигурку, обляпанную кровью магистра, и поставила на столешницу. Совсем про нее забыла с этими принудительными купаниями упирающихся троллей.

– Вы вроде бы не закончили с ней. Если уж хотите что-то о себе вспомнить, может, стоит начать с чего-то маленького и...

– Спасибо, – благодарно кивнул Салливан.

Подошел ближе, покрутил фигурку в руках, поставил и перевел взгляд на меня. Поддел пальцем упавшую на лоб прядь и отвел за ухо. Завис, не моргая.

– Вы чего?

– Не скажу.

Вот ведь... Затолкать бы его самого под правдолюбицу!

Но не сегодня. Сегодня сил толкать кого бы то ни было у меня больше нет.

Не отводя взгляда, Рандор медленно отхлебнул кофе и поставил чашку. Я повторила за ним.

– Я планирую рассказать вашему отцу о случившемся в мансарде и в имении Караваевых, – проморгавшись, поведал магистр. У меня чуть кофе носом не пошел от этого его заявления. – Так будет правильнее.

– Я вас только спасла, а вы опять в петлю лезете?!

– Я благодарен за спасение, княжна, – он потер затылок и посмотрел на меня, требуя понимания. – Реальность, что обрушилась на меня вашими стараниями, тяжела. Порой неподъемна. Мне трудно ее осмыслять. Но она моя, и мы с ней... неспешно привыкаем друг другу.

– Сильно не привыкайте. Если и впрямь к отцу на разговор собрались, – я скрестила руки на груди и надменно фыркнула.

– Вы имеете что-то против? – удивился тролль-тугодум.

– Разумеется, имею! Это не только ваша тайна.

Не хватало еще, чтобы отец узнал о моем первом мужчине и... вот этом вот всем. Мест в теплицах на всех не хватит. И я бы предпочла сохранить их для Вяземского, Бехтерева и их команды. Им, Судьба свидетель, нужнее.

– Я должен был с собой бороться, Аврора, – он напряженно сжал челюсть и окатил меня искрами из отчаянных серых глаз. – Я должен был контролировать. Противостоять. Да хоть из окна броситься, но не допустить, чтобы это... случилось *так*.

– Я вам что, настолько противна?

От меня, конечно, по-всякому убегают... Но чтобы из окон бросаться с четвертого этажа?

– Вы мне... невыносимы, – пробормотал Рандор, потирая грудь.

– *Так* или *не так* – какая разница? – выдохнула в его заросшее недельной щетиной лицо. – Меня к вам привело «Зелье Судьбы». Запрещенное, конечно, но не просроченное – я проверяла ингредиенты.

– Уверены, что ко мне? – он задрал голову и пригладил мокрые волосы, с которых на уши и виски стекала вода. – Два духа, две капли...

– Издеваетесь? – я вцепилась в его рукав и хорошенько потрянула шурхового магистра.

– Ни разу, Аврора.

Он ухватил меня за талию и усадил на столешницу рядом с деревянной фигуркой. Я думала было возмутиться и сообщить ему, что я не статуэтка, чтобы мной без спроса украшали интерьер. Но передумала. Я в этом интерьере неплохо смотрелась.

– Разве ошибается богиня?

– «Благодетельница», толкающая всех к обрыву и приказывающая спрыгнуть вниз ради пользы для мироздания? – горько усмехнулся Салливан. – Я ни прыгать, ни плясать под чужую дудку не собираюсь. Впервые с шестнадцати лет я решаю сам, кем быть и чего хотеть.

– И кого...

– И кого! – рывкнул мужчина, положил руку на мой затылок и притянул поближе к своему лицу. То ли чтобы поцеловать, то ли чтобы укусить. То ли с целью донести свою мысль максимально красноречиво.

Мокрая прядь, хоть и отстриженная на половину длины, снова шлепнулась ему на бровь и заняла привычное место. Такая же непослушная, как и я. Видит Судьба, Салливану с нами обеими не везет.

– Вы феерический тролль, если думаете, что сможете от себя убежать, – прошептала, ерзая затылком в горячей лапе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.